

Макс Гендель

МИСТЕРИИ ВЕЛИКИХ ОПЕР

Перевод с английского, Свечников М.С., 2004
Редактор Арутюнов С.И.
Корректор Рубецкая Н.В.

“The translations are based on the English versions of the books and any questions should be referred to the English versions.

- Copyright by The Rosicrucian Fellowship. Published by permission of The Rosicrucian Fellowship, and International Association of Christian Mystics, with Headquarters at 2222 Mission Avenue, Oceanside, California 92054-2329 U.S.A.

- E-mail: rosfshp@rosicrucianfellowship.org.

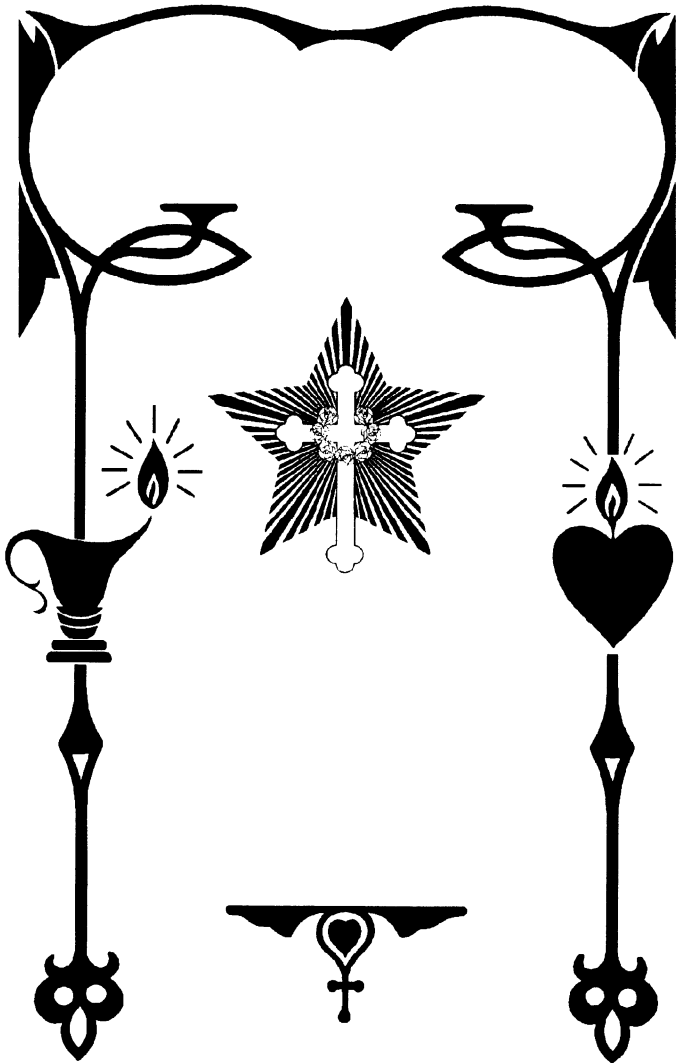
- www.rosicrucianfellowship.org

Correspondence courses in Dutch, English, French, German, Italian, Portuguese, Romanian, and Spanish on a free-will basis”.



Max Heindel

Макс Гендель, духовный посвященный и посланник Братства розенкрейцеров, родился в Дании 23 июля 1865 г. Стал судовым инженером, впоследствии эмигрировал в Соединенные Штаты. К 1905 г. стал серьезно интересоваться метафизикой и провел следующие несколько лет в сознательной работе и поиске духовных истин. Во время его визита в Германию в 1907 г. Старший Брат Креста и Роз, ставший его наставником, контактировал с ним на внутренних планах. Его инструктировали в эфирном храме Креста и Роз, сообщая эзотерические учения, которые он включил в книгу «Космоконцепция розенкрейцеров», опубликованную в ноябре 1909 г. Основал Братство розенкрейцеров в августе 1909 г. и провел оставшиеся годы, вплоть до 6 января 1919 г., занимаясь писанием книг, чтением лекций, учреждением штаб-квартиры Братства в Оушенсайде, Калифорния, распространяя учения эзотерического христианства – передовые духовные учения, которые подготовят человечество к новому Веку Водолея, когда все нации объединятся во всеобщее Братство.



СИМВОЛИЗМ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

«Божественные символы, которые время от времени даются роду человеческому, обращаются к суду истины, что находится внутри наших сердец, и пробуждают наше сознание к восприятию божественных идей из высших миров» (Макс Гендель). Эмблема западной школы мистерий розенкрейцеров является одним из таких символов, представляя Бога в проявлении. Она дает ключ к прошлой эволюции человека, его нынешнему строению, его будущему развитию и метод достижения.

Голубой фон представляет Бога Отца; золотая звезда символизирует Христа, рождающегося внутри духовно стремящегося и лучащегося из пяти точек: головы и четырех конечностей; красные розы указывают на очищение человеческой природы желанием на кресте материи, – кровь стремящегося очищается от страсти. Белая роза символизирует чистоту сердца, а также гортань, которой человечество, очистившись, произнесет Создающее Слово. Белый крест представляет физическое тело. Золотая звезда представляет «золотое брачное одеяние» – эфирный проводник, который строится Духом в течение жизни чистоты и служения.

В другом прочтении крест указывает на растительную, животную и человеческую жизневолны. Нижняя часть является растением, которое питается через корни духовными потоками от Земли; человек, верхняя часть, воспринимает духовные влияния от Солнца через голову; животные обуславливаются духовными токами, опоясывающими Землю по горизонтали.

Лампа мудрости и сердце говорят о двух потоках эволюционирующего человечества: тех, кто следует путем интеллекта (эзотерическим), и тех, кто следует путем любви (мистическим). В природе не может быть противопоставления, поэтому сердце и ум должны быть способны объединиться. Окончательный союз головы и сердца ознаменует совершенного человека.

В нижней части страницы находится *лилия*, эмблема Троицы – Отца, Сына и Святого Духа, но, поскольку лишь Отец и Святой Дух были активными в представленное этой формой символа время, мы видим только два лепестка красного цвета, олицетворяющие энергию.

Сотворенные существа мы видим как поток, текущий вверх; у них два тела: плотное и жизненное, а со временем добавляется и тело желаний, которое видится красным в восходящем потоке.

Хотя оба потока внешне выглядят одинаково, они в значительной степени отличаются. Поток слева известен в нашей литературе как сыновья Каина. Они полны позитивной энергии и являются искусными мастерами мира, *phree-messen*, которые пробивают себе дорогу в жизни, радуясь препятствиям, которые, как они знают, укрепляют характер; они работают через интеллект, изображаемый лампой, из пламени которой выходят *девять лучей*, говорящих о позитивном пути, выбранном изучающим эзотерические учения. Другой поток развивает сердечную сторону жизни, а божественное пламя, исходящее из него, изображается *восемью лучами* и говорит о негативном пути; те, кто по нему идет, хотят, чтобы у них был лидер, коему можно было бы следовать и поклоняться; они составляют паству церковей мира, которая подчиняется учениям своих лидеров.

Потоки жизни текут вперед бок о бок, и так будет до тех пор, пока мудрые и любящие руководители эволюции не решат, что для ускорения прогресса необходимо объединить оба потока. По их плану объединение будет достигнуто строительством искусными мастерами храма для верующей паствы и слиянием обоих этих потоков в мистическое литое море. Этот удивительный импульс можно видеть как чашу, выходящую из каждого потока и наполненную красным вином жизни. Вы можете прочитать об этом в истории строительства храма Соломона. Этот план был погублен вероломством сынов Сифа – тех, кто находится справа. В результате потоки текут, отдаляясь друг от друга сильнее, чем раньше.

Сейчас сложилась серьезная ситуация, когда некоторые, похоже, отпадают, причем исключительно из-за своего материализма. Раса еще жива, но люди церкви и ученые, мистики и эзотерики – все следуют собственным курсом независимо от других, в результате чего достигнута стадия такого материализма, при котором духовные водители расы видят впереди смертельные опасности. Чтобы избежать нарушения плана эволюции, дозволено крупномасштабное разрушение человеческих тел, могущее выглядеть так, как будто человечество стирается с лица земли. Отметьте разрыв в каждом потоке. Но бедствие это приносит желаемый эффект: мы вновь видим великую силу, и потоки непосредственно поворачиваются друг к другу и в скором времени могут объединиться. Внизу страницы находим другой символ, такой малый, что можно его не заметить. Это маленький черный крест, представляющий физическое тело. В удлинённой голове креста видится сердце. Сердце и голова соединились, а результат – расширяющийся луч, душевное тело.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАУСТ

- Глава I. Божественный разлад
- Глава II. Страдания ищущей души
- Глава III. Страдания ищущей души (продолжение)
- Глава IV. Продать душу Сатане
- Глава V. Продать душу Сатане (продолжение)
- Глава VI. Расплата за грехи и пути спасения

ПАРСИФАЛЬ

- Глава VII. Знаменитая мистическая музыкальная драма Вагнера

КОЛЬЦО НИБЕЛУНГА

- Глава VIII. Дочери Рейна
- Глава IX. Кольцо богов
- Глава X. Валькирия
- Глава XI. Зигфрид, искатель истины
- Глава XII. Битва истины и заблуждения
- Глава XIII. Возрождение и напиток забвения
- Глава XIV. Гибель богов

ТАНГЕЙЗЕР

- Глава XV. Маятник радости и скорби
- Глава XVI. Менестрели, посвященные Средневековья
- Глава XVII. Непростительный грех
- Глава XVIII. Жезл, который расцвел

ЛОЭНГРИН

- Глава XIX. Рыцарь с лебедем

Указатель

ФАУСТ

Глава I Божественный разлад

Когда упоминается имя Фауста, большинство образованных людей сразу вспоминают оперу Гуно. Некоторые восхищаются музыкой, но сама история, по всей видимости, не слишком впечатляет даже их. Сюжет, увы, кажется слишком расхожим: сластолюбец соблазняет юную неискушенную девушку, затем бросает ее расплачиваться за свою неосмотрительность и сожалеть о своей доверчивости. Налет магии и колдовства, присутствующий в пьесе, большинством людей считается лишь фантазией автора, который пытается сделать их приземленную повседневность чуть более интересной.

Когда Мефистофель берет Фауста в подземный мир, а Маргарита в конце пьесы уносится на небеса на ангельских крыльях, зрители полагают, что именно таков, с точки зрения морали, должен быть счастливый конец. **6]**

Лишь малое меньшинство знает, что опера Гуно основана на одноименном драматическом произведении Гете. И те, кто изучил обе части представленной им истории о Фаусте, имеют совершенно иное понимание, чем то, которое излагается в опере. И только несколько просвещенных мистиков видят в пьесе Гете творение просветленного собрата-Посвященного и полностью сознают великий космический смысл, заложенный в ней.

¹ Цифры в угловых скобках обозначают страницы английского оригинала.

Нужно ясно уразуметь, что история о Фаусте – это миф, старый, как само человечество. Гете подал этот миф в мистическом свете, проясняя величайшую проблему человечества – отношения и борьбу между масонством и церковью, которую мы рассмотрели под иным углом в другой нашей книге.²

В наших книгах мы часто упоминали о том, что миф есть завуалированный символ, содержащий великую космическую истину, идею, радикально отличную от общепринятой. Как мы даем нашим детям книжки с картинками, чтобы они усваивали уроки, еще недоступные их интеллекту, так и великие Учителя давали младенческому человечеству зримые символы, внедряя, помимо его сознания, те идеалы, которые было необходимо запечатлеть в наших тонких проводниках.

Семя долго зреет в почве, оставаясь невидимым, но со временем прорастает над поверхностью земли, распускаясь цветком. Так и эти внедренные идеалы, отмеченные мифами в наших невидимых проводниках, даровали нам такую восприимчивость, что мы обрели способность вдохновляться этими идеалами и воспарять над приземленными условиями материального мира. Эти 7] идеалы были бы похоронены в глубинах низшей природы, если бы их веками не поддерживали мифы о Фаусте, Парсифале и аналогичные истории.

Подобно истории об Иове, действие мифа о Фаусте начинается на небесах, где происходит собрание сынов Сифа. Среди них находится и Люцифер. Заключительное действие, в представлении Гете, также имеет место на небесах. В отличие от того, что обычно происходит на подмостках, мы сталкиваемся лицом к лицу с гигантской проблемой. Фактически миф о Фаусте изображает эволюцию человечества в течение нынешней эпохи. Кроме

² «Франкмасонство и католицизм» – *Прим. пер.*

того, нам показывается, какую роль в мировой работе исполняют сыны Сифа и сыны Каина.

В правилах автора всегда было придерживаться рассматриваемого предмета как можно ближе, чтобы соответствующая часть учения пояснялась с максимальной концентрацией. Но иногда бывает оправданно отойти от магистрального направления изложения. Именно так обстоит дело с нашим рассмотрением мифа о Фаусте. Если бы рассуждали о нем только в свете отношений масонства и церкви, нам пришлось бы обратиться позднее к другим жизненно важным моментам раскрытия души как работы рода человеческого. Поэтому наши отклонения от темы не следует критиковать слишком сурово. 8]

В начальной сцене три Сына Божьих, Планетарные Духи, предстают склоненными перед Великим Архитектором Вселенной и поющими песни сфер в своем благоговении перед Неопикуемой Сущностью, которая является источником жизни и автором всех проявлений. Гете устами одного из этих небесных звездных Духов изрекает:

В пространстве, хором сфер объят,
Свой голос солнце подает,
Свершая с громовым раскатом
Предписанный круговорот.³

Посредством современных научных приборов в лабораторных опытах световые волны преобразуются в звуковые, что демонстрирует в физическом мире справедливость мистической максимы об идентичности этих проявлений. Те феномены, восприятие которых прежде относили лишь к способности мистика, умеющего поднять свое сознание до слоя Конкретной Мысли, теперь ощущаются и ученым. И потому песнь сфер, впервые упомянутая Пифагором, не должна рассматриваться как

³ Здесь и ниже отрывки из «Фауста» приведены в переводе Б.Пастернака. – *Прим. пер.*

пустая идея, возникшая в слишком живом воображении поэтического ума, или галлюцинация помраченного мозга.

Каждое слово Гете полно смысла. Все светила имеют собственные ключевые ноты и движутся вокруг Солнца с различными скоростями так, что их общее расположение на данный момент не может повториться ранее, чем спустя 27 тысяч лет. Так гармония небес **9]** меняется каждое мгновение, и по мере ее изменения весь мир меняет свои идеи и идеалы. Хоровод движущихся светил под мотив небесной симфонии, создаваемой ими, отмечает прогресс человека по пути, который мы называем эволюцией.

Однако ошибочно думать, что постоянная гармония была бы приятной. Такая монотонная музыка утомляла бы нас. Фактически музыка теряла бы свое очарование, не вмешиваясь время от времени диссонанс. Чем ближе композитор подойдет к разладу без нарушения общей партитуры, тем восхитительнее будет его композиция, передающая звучание жизни посредством музыкальных инструментов. Так и в песне сфер мы никогда не достигнем индивидуальности и самосознания, которые являются целью всей эволюции, без божественного разлада.

Поэтому в Книге Иова Сатана изображается одним из Сыновей Бога. И миф о Фаусте говорит о Люцифере как о равноправном участнике божественной беседы в первой главе. От него исходит спасительная нота диссонанса, формирующая контраст с небесной гармонией; и подобно тому, как ярчайший свет отбрасывает самую глубокую тень, голос Люцифера оттеняет красоту небесной песни.

В то время как другие Планетарные Духи склоняются в благоговении, созерцая творения Мастера-Архитектора, раскрывающиеся во вселенной, от Люцифера исходит нота критицизма, обвинения, **10]** и слова его направлены против шедевра Бога, царя творения, человека:

Я о планетах говорить стесняюсь,
Я расскажу, как люди бьются, маясь.
Божок вселенной, человек таков,

Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.

С точки зрения прошлых поколений такие слова звучат кощунством, но нам уже легко понять, что даже для столь возвышенного существа, именуемого нами Богом, необходимо дальнейшее развитие. Мы можем почувствовать это стремление к еще большим возможностям, это созерцание будущих вселенных, предлагающих еще большее совершенство тем эволюциям Чистых Духов, которые являются результатом улучшения несовершенств, отмеченных в схеме проявления их возвышенным Автором. Более того, поскольку «Им мы живем и движемся и существуем», нота разлада, изданная Духами Люцифера, звучит и в самом Авторе. Отнюдь не внешнее воздействие привлекает Его внимание к ошибкам или дает Ему задания, нет, это Его собственное божественное распознавание несовершенств призывает к трансмутации их в большее добро.

В Библии мы читаем, что Иов был совершенным человеком, и в мифе о Фаусте главный герой **11** именуется слугой Бога, ибо естественно, что проблема раскрытия и большего роста должна разрешаться самым продвинутым человеком. Обычные индивиды, те, кто стоит ниже на лестнице эволюции, еще только должны пройти участок пути, далеко оставленный позади такими, как Фауст и Иов, идущими в авангарде расы. Обычное человечество считает их глупцами и чудаками и смотрит на них точно так же, как это описал Люцифер:

Да, странно этот эскулап
Справляет вам повинность божью,
И чем он сыт, никто не знает то же.
Он рвется в бой, и любит брать преграды,
И видит цель, манящую вдали,

И требует у неба звезд в награду
И лучших наслаждений у земли,
И век ему с душой не будет сладу,
К чему бы поиски ни привели.

Для таких людей должен быть открыт новый, более
высокий путь, чтобы дать им большие возможности роста,
и потому ответ Бога таков:

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник сажит дерево,
Плод наперед известен садоводу.

12]

Глава II Страдания ищущей души

Как упражнение необходимо для развития физического
мускула, так и развитие нравственной природы
совершается через искушение. Эго предоставляется выбор
и возможность опыта в направлении, им избранном, пусть
даже оно ошибочно. В последнем случае Эго учится даже
лучше, чем сделав правильный выбор. Поэтому в мифе об
Иове дьяволу дозволяется его искушать. То же самое
происходит в мифе о Фаусте; дьявол обращается к Господу
с просьбой:

Поспоримте! Увидите воочью,
У вас я сумасброда отобью,
Немного взявши в выучку свою.
Но дайте мне на это полномочья.

На что Господь отвечает:

Он отдан под твою опеку!
И, если можешь, низведи
В такую бездну человека,
Чтоб он тащился позади.

Ты проиграл наверняка.
Чутьем, по собственной охоте
Он вырвется из тупика.
Тогда ко мне являйся без стеснения.
Таким, как ты, я никогда не враг. **13]**
Из духов отрицанья ты всех мене
Бывал мне в тягость, плут и весельчак.
Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи, и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.
Вы ж, дети мудрости и милосердия,
Любуйтесь красотой предвечной тверди.
Что борется, страдает и живет,
Пусть в вас любовь рождает и участие,
Но эти превращенья в свой черед
Немеркнувшими мыслями украсьте.

Итак, договор заключен, и Фаусту предстоит распутывать сети, которые стоят на пути каждой ищущей души. Последующие строки показывают благодетельную цель и необходимость искушения. Дух есть составная часть Бога, он изначально *невинный*, но не добродетельный. Добродетель – это положительное качество, развитое через выстаивание в праведности, несмотря на искушение, или через страдание вследствие неправильного поступка. Пролог, происшедший на небесах, сообщает мифу о Фаусте высочайшее направляющее значение и ободряет ищущую душу. Он показывает извечную цель, стоящую за всеми земными превратностями, причиняющими боль и страдания.

И вот Гете представляет нам Фауста, погруженного в свои ученые занятия. Он смотрит внутрь себя, он размышляет о прошлом:

Я богословьем овладел,
Над философией корпел, **14]**
Юриспруденцию долбил

И медицину изучил.
Однако я при этом всем
Был и остался дураком...
Но и себе я знаю цену,
Не тешусь мыслию надменной,
Что светоч я людского рода
И вверен мир моему уходу.
Не нажил чести и добра
И не вкусил, чем жизнь остра.
И пес с такой бы жизни взвыл!
И к магии я обратился,
Чтоб дух по зову мне явился
И тайну бытия открыл.
Чтоб я, невежда, без конца
Не корчил больше мудреца...
Но как? Назло своей хандре
Еще я в этой конуре,
Где доступ свету загражден
Цветною росписью окон!...
Встань и беги, не глядя вспять!
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движенье звезд,
Что может в жизни проистечь.
С твоей души спадет нарост,
И ты услышишь духов речь.

Жизнь, проведенная в учении, не принесла Фаусту реального знания. Книжное знание оказалось бесплодным. Ученый может помыслить о Боге **15]** как об излишестве; он может посчитать жизнь совокупностью химических процессов, по крайней мере в начале своих штудий. Но чем глубже он погружается в материю, тем большая таинственность начинает окружать его путь, и в конце концов он вынужден отказаться от дальнейших исследований или поверить в Бога как Духа, жизнь которого насыщает каждый атом материи. Фауст дошел до

этой точки. Он говорит, что работал не ради злата, что «не нажил чести и добра, и не вкусил, чем жизнь остра». Он боролся из любви к вечному поиску и пришел к тому моменту, когда увидел, что духовный мир окружает всех нас; и через этот мир посредством магии он устремляется отныне к высшему, более реальному знанию, чем то, что содержится в книгах.

В его руках труд знаменитого Нострадамуса, открыв который он видит знак макрокосма. Сила, заключенная в нем, открывает его сознанию ту часть мира, которую он ищет. В экстазе он восклицает:

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья,
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетанье этих линий!
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине...
В каком порядке и согласье
Идет в пространствах ход работ!
Все, что находится в запасе
В углах вселенной непечатых,
То тысяча существ крылатых **16]**
Поочередно подает
Друг другу в золотых ушатах
И вверх снует и вниз снует.

Но маятник вновь отбрасывается назад. Попытка смотреть прямо на солнце, открываясь его слепящему свету, приводит к повреждению сетчатки. Так и дерзкая попытка объять Бесконечность приводит к неудаче, и ищущая душа отбрасывается из экстаза радости во тьму отчаяния:

Вот зрелище! Но горе мне:
Лишь зрелище! С напрасным стоном,

Природа, вновь я в стороне
Перед твоим священным лоном!
О, как мне руки протянуть
К тебе, как пасть к тебе на грудь,
Прильнуть к твоим ключам бездонным!

Прежде чем успешно воспарить к высшему знанию, нам нужно понять низшее. Напыщенная болтовня об иных мирах, о тонких телах, когда мы едва ли имеем представление о проводниках, в которых трудимся каждый день, и об окружении, в котором мы вращаемся, является верхом неосмотрительности. «Человек, познай себя», гласит учение. Единственный безопасный путь наверх – карабкаться по лестнице ступень за ступенью, никогда не пытаясь сделать новый шаг, 17] пока не достигнуто безопасное и равновесное положение на том уровне, где мы находимся сейчас. Многие души могут откликнуться из глубин своего опыта тем же отчаянием, которое слышится в словах Фауста.

Он опрометчиво начал с самой высшей точки и, испытав разочарование, не понял еще, что должен начать снизу. И потому он стал звать к Духу Земли:

Я больше этот знак люблю.
Мне Дух Земли родней, желанней.
Благодаря его влиянию
Я рвусь вперед, как во хмелю.
Тогда, ручаюсь головой,
Готов за всех отдать я душу
И твердо знаю, что не струшу
В свой час крушенья роковой.
Клубятся облака,
Луна зашла,
Потух огонь светильни.
Дым! Красный луч скользит
Вкруг моего чела.
А с потолка,
Бросая в дрожь,

Пахнуло жутью замогильной!
Желанный дух, ты где-то здесь снуешь.
Явись! Явись!
Как сердце ноет!
С какою силою дыханье захватило!
Все помыслы мои с тобой слились!
Явись! Явись!
Явись! Пусть это жизни стоит!

Как уже говорилось в «Космоконцепции розенкрейцеров» и пояснялось в «Учении розенкрейцеров» в связи с вопросом о **18]** латинском ритуале католической церкви, имя есть звук. Провозглашенное должным образом, неважно кем, оно производит побуждающее влияние на тот разум, который оно представляет. Слово, данное на той или иной степени Посвящения, открывает человеку доступ к особой сфере вибраций, населяемой определенными классами Духов. Поэтому как один камертон отзывается на звучащую ноту другого такого же камертона, так и Фауст, произнося имя Духа Земли, открывает свое сознание его всепроникающему присутствию.

Следует помнить, что опыт Фауста – не изолированный пример того, что может случиться при необычных условиях. Фауст – символ ищущей души. Вы и я – все мы в каком-то смысле фаусты, ибо на определенной стадии эволюции нам тоже предстоит встреча с Духом Земли. Это произойдет, когда мы осознаем силу Его имени и правильно возгласим его.

19]

Глава III **Страдания ищущей души (продолжение)**

В работе «Звезда Вифлеема как мистический факт» мы попытались передать учащимся некоторое представление об определенной фазе Посвящения. Большинство из нас

ходят по Земле, видя в ней только мертвую массу, но один из первых фактов, открываемых нашему сознанию Посвящением, – это живая реальность Духа Земли. Как поверхность нашего тела сравнительно мертва по отношению к внутренним органам, так и внешняя оболочка Земли подобна корке и не дает представления о той чудесной активности, что происходит внутри. На пути Посвящения открываются девять различных слоев, и в центре этой вращающейся сферы мы встречаем Духа Земли лицом к лицу. Воистину верно, что «мучаясь и стеноя» в Земле во имя спасения других, трудясь и терпеливо ожидая нашего проявления как сынов Божьих, чтобы ищущая, стремящаяся к освобождению душа воспарила из своего плотного тела, Дух Земли тоже ждет освобождения из своего смертного тела, в которое он ныне заключен ради нас. 20]

Слова Духа Земли, обращенные к Фаусту, в интерпретации Гете дают великолепный материал для медитации, поскольку они мистически представляют чувство кандидата, когда он впервые осознает действительную реальность Духа Земли как живого присутствия, всегда активно трудящегося для нашего подъема.

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я – океан,
И зыбь развитья,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.

Конечно, Дух Земли не следует представлять в виде огромного человека или имеющего иную физическую

форму, чем вся Земля. Жизненное тело Иисуса, в котором был сфокусирован Дух Христа перед действительным вхождением в Землю, имело обычную человеческую форму; оно сохраняется и показывается кандидату на определенной стадии продвижения. Однажды в отдаленном будущем оно вновь примет в себя благодетельный Дух Христа по возвращении Его из центра Земли. Тогда мы уже будем эфирными существами, а Он изготавится уйти в высшие сферы, оставив нас на попечение Отца, религия которого будет выше, чем христианская. 21]

В эпизоде первой встречи Мефистофеля и Фауста Гете обучает нас той эзотерической истине, что, *если Дух входит через определенную дверь, он должен вернуться назад тем же путем*. Фауст не стоит твердо на пути Посвящения. Он не заслужил права рассчитывать на помощь Старших Братьев; он стучит не в те двери, ибо нетерпелив. Поэтому Дух Земли отвергает его, и после своего кажущегося достижения Фауст с вершины радости погружается в пучину отчаяния, где осознает справедливость своего падения.

Я, названный подобьем божества,
Возмнил себя и вправду богоравным.
Насколько в этом ослепленье явном
Я переоценил свои права!
Я счел себя явленьем неземным,
Пронизывающим, как бог, творенье.
Решил, что я светлей, чем серафим,
Сильней и полновластнее, чем гений.
В возмездие за это дерзновенье
Я уничтожен словом громовым.
Ты вправе, дух, меня бесславить,
Я мог тебя прийти заставить,
Но удержать тебя не мог.
Я испытал в тот миг высокий
Такую мощь, такую боль!
Ты сбросил вниз меня жестоко,
В людскую темную юдоль.

Как быть с внушеньями и снами,
С мечтами? Следовать ли им?
Что трудности, когда мы сами
Себе мешаем и вредим! 22]

Он думает, что источники знания для него иссякли и ему уже никогда не достигнуть реальности. Страшась скучной монотонности тягучего обыденного существования, он берет сосуд с ядом и готов уже выпить его, когда вдруг снаружи доносится песня, славящая воскресшего Христа, поскольку наступило пасхальное утро. И новая мысль, новая надежда ободряют его душу. К тому же мир не оставляет его в покое, к нему стучит его друг Вагнер.

Отправляясь с ним на прогулку, Фауст буквально стонет, словно в агонии; этот стон исходит от каждой устремляющейся души, когда она проходит через ужасную борьбу низшей и высшей природы. Пока мы живем мирской жизнью, не зная высших устремлений, в нашей груди царит покой. Но как только мы ощутили зов Духа, наше равновесие нарушается, и, чем более пылко мы устремляемся на поиски Грааля, тем яростнее разгорается внутренняя битва. Апостол Павел полагал себя пропащим человеком, ибо низшие желания плоти боролись в нем с высокими духовными устремлениями. Слова Фауста того же свойства:

Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.

Но он не сознает, что нет легкого пути к совершенству, так как каждый должен пройти путь к обретению 23] покоя в одиночку. Он думает, что Духи могут придать ему душевную силу, сразу готовую для применения:

О, если бы не в царстве грез,
А в самом деле вихрь небесный

Меня куда-нибудь унес
В мир новой жизни неизвестной!
О, если б плащ волшебный взяв,
Я б улетал куда угодно! –
Мне б царских мантий и держав
Милей был этот плащ походный.

Постоянно отвлекаясь на внешнее, он обречен на разочарование. «На Бога надейся, а сам не плошай» – вот универсальное правило, объявляющее самодостаточность базовой добродетелью, которую требуется культивировать стремящимся Западной школы мистерий. Никому не позволено всецело полагаться на *Учителей* и слепо следовать за *Лидерами*. Братья Креста и Роз имеют целью освободить приходящие к ним души; это значит обучать их, укреплять их и делать их своими *сотрудниками*. Филантропы не растут под каждым кустом, и, если кто-то ищет Учителя, готового на большее, чем просто указывать путь, тот будет жестоко разочарован. Что бы они ни утверждали, приходят ли они во плоти или как Духи, Учителя действительно не могут сделать за нас добрые дела, требуемые для душевного роста, не могут придать нам душевных сил, готовых для использования. Точно так же никто не может передать нам физическую силу, 24] съедая нашу пищу. Да, Фауст, ищущая душа, привлеч наконец Духа, готового ему служить, но это Дух нежелательной природы, Люцифер. И когда Фауст спрашивает его имя, он отвечает:

Дух Отрицанья; часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Люди или Духи, предлагающие удовлетворять наши желания, обычно имеют в виду собственные цели.

Теперь мы подошли к очень важному космическому закону, лежащему в основе различных спиритуалистических феноменов, а также уникального учения Братства розенкрейцеров (и Библии) о том, что Христос вернется не в плотном, а в жизненном теле. Этот

закон показывает также, что Он *должен* вернуться. Поэтому учащимся следует прочесть нижеследующее очень внимательно.

Привлеченный ментальной установкой Фауста, Люцифер последовал за ним в его лабораторию. На полу за дверью была начертана пятиконечная звезда, указывающая двумя вершинами на дверь. В обычном природном процессе человеческий Дух входит в свое плотное тело во время утробного периода и покидает его в момент смерти через голову. Невидимые помощники, научившиеся трансмутировать свою сексуальную силу в душевную энергию, накапливаемую в гипофизе, также покидают плотное тело и возвращаются в него через голову; поэтому пентаграмма с вершиной, *направленной вверх*, символизирует стремящуюся душу, работающую в гармонии с Природой.

Черный маг, не имеющий ни души, ни душевной **25]** силы, также использует сексуальную энергию. Он покидает свое тело и возвращается в него через ноги, ибо его Серебряная Цепочка проходит через половой орган. Поэтому пентаграмма с двумя вершинами, направленными вверх, есть символ черной магии. Люцифер свободно вошел в комнату Фауста, но, когда захотел уйти после разговора с ним, путь ему преградила единственная вершина. Он попросил Фауста стереть знак, отчего тот очень удивился.

Фауст: Ты испугался пентаграммы?
Каким же образом тогда
Вошел ты через порог сюда?
Как оплошал такой пройдоха?...
Так, стало быть, ты у меня в плену?..
Но почему не лезешь ты в окно?

Люцифер: Чертям и призракам запрещено
Наружу выходить иной дорогой,
Чем внутрь вошли; закон на это строгий.

До 33 года нашей эры Иегова вел нашу планету по ее орбите, а человечество – по пути эволюции *извне*. На Голгофе Христос вошел в Землю, которую Он с того времени ведет *изнутри*, и так будет, пока достаточное количество людей не разовьют душевные силы, необходимые для направления Земли и братьев наших меньших. Это требует умения обитать в жизненном теле, способном левитировать. Жизненное тело Иисуса, через которое Христос вошел в Землю, остается Его единственным путем возвращения на Солнце. Поэтому Второе пришествие состоится в жизненном теле Иисуса. 26]

Глава IV Продать душу Сатане

Миф о Фаусте представляет любопытную ситуацию встречи героя, ищущей души, с иным классом Духов. Дух Фауста, изначально добрый, чувствует притяжение к высшим мирам; он ощущает сродство с благодетельным Духом Земли и горько сожалеет о невозможности задержать его и учиться у него. Столкнувшись лицом к лицу с духом отрицания, который единственный готов учить его и служить ему, он вдруг обнаруживает себя в некотором роде в положении хозяина, поскольку дух не может уйти, задерживаемый положением знака пятиконечной звезды, начертанного на полу. Но и его неспособность задержать Дух Земли, чтобы получить наставление этого возвышенного Существа, и его власть над духом отрицания проистекают вследствие *случайности* его контакта с ними, а не по причине душевной силы, развитой внутри.

Когда Парсифаль, герой другого великого мифа о душе, впервые посещает замок Грааля, его спрашивают: «Как ты попал сюда?» И он отвечает: «Не знаю». Ему *посчастливилось* войти в святое 27] место подобно тому, как душе иногда удается уловить отблеск видения небесных миров. Но он не мог остаться на горе

Монсальват. Его вынудили снова уйти в мир и усваивать свои уроки. Много лет спустя он вернулся в замок Грааля, усталый, измученный поисками, и тот же вопрос был задан ему: «Как ты попал сюда?» На этот раз он ответил по-иному: «Я искал, страдал и потому пришел».

Вот в чем кардинальное различие между людьми, которым удалось войти в контакт с Духами из сверхфизических миров по воле случая или вследствие нарушения ими законов Природы, и теми, кто усердным поиском, а главное, *проживая свою жизнь*, достигли сознательного Посвящения в тайны Природы. Первые не знают, как использовать иные силы разумно, и потому беспомощны. Другие же всегда остаются хозяевами тех сил, которые им подчинены, и не стремятся эгоистически извлекать из них выгоду.

Фауст олицетворяет человечество, которым поначалу руководили Духи Люцифера и Ангелы Иеговы. Теперь мы ищем Дух Христа, обитающий в Земле, в качестве Спасителя нас от нашего эгоизма и отрицательного влияния.

Апостол Павел дает нам намек относительно нашей будущей эволюции, утверждая, что Христос установит царство ради Отца, который будет всем во всём. **28]**

Фауст тем не менее вначале ищет контакта с макрокосмом, Отцом. Подобно небесному кентавру, Стрельцу, он нацеливает свой лук на высочайшие звезды. Его не устраивает начать с самого низа и постепенно пролагать свой путь наверх. Отвергнутый верховным Существом, он сходит вниз лишь на одну ступень и ищет контакта с Духом Земли, также не принимающим его, ибо нельзя стать учеником сил добра, не подчиняясь их правилам, то есть не входя на путь Посвящения через нужную дверь. Поэтому, заполучив в плен злого духа с помощью пентаграммы, Фауст видит шанс заключить сделку. Он готов продать Сатане свою душу.

Но, как уже говорилось, он слишком невежествен, чтобы успешно реализовать свою власть; духовная сила быстро ускользает от ограничения и позволяет Люциферу освободиться. Покинув комнату Фауста, он вскоре возвращается, чтобы сторговать ищущую душу. Он живописует Фаусту восхитительные картины проживания жизни заново, чтобы тот мог в полноте удовлетворить свои страсти и желания. Фауст, зная о корысти Люцифера, спрашивает, чего тот хочет взамен. Люцифер отвечает:

Тебе со мною будет здесь удобно,
Я буду исполнять любую блажь.
За это в жизни тамошней, загробной
Ты тем же при свиданье мне воздашь. 29]

Фауст вдобавок к этому оговаривает время, когда служба Люцифера ему подойдет к концу, а его земная жизнь завершится.

Как ни странно, мы видим в соглашении Люцифера и условиях Фауста отражение базовых законов эволюции. Согласно закону Притяжения мы входим в контакт с родственными нам Духами как в жизни, так и в посмертии. Если мы служим здесь силам добра и трудимся над тем, чтобы возвыситься духом, то обнаруживаем себя в группе единомышленников и в этом мире, и в следующем. Но если мы предпочитаем тьму свету, то будем связаны с преисподней и в жизни, и после нее. Из этого правила нет исключений.

Более того, все мы – «строители храма», работающие под управлением Бога и Его посланников, представителей божественных Иерархий. Уклоняясь от ответственности, возложенной на нас при жизни, мы попадаем в условия, при которых вынуждены будем учиться. Нет покоя и успокоенности на пути эволюции, и, если мы будем искать удовольствий и радостей в ущерб работе, похоронный звон раздастся очень скоро. И если для нас настает мгновение, которое мы хотим остановить, поскольку довольны его условиями и отказываемся развиваться, наше

существование быстро заканчивается. Наблюдения показывают, что люди, уклоняющиеся от дел и стремящиеся жить только ради наслаждения тем, что они накопили, вскоре умирают; а человек, меняющий профессию за профессией, обычно живет дольше. Ничто так не приближает конец существования, как 30] праздность. Поэтому, как уже было сказано, в договоре Люцифера были отражены законы Природы, и условие Фауста гласило:

Пусть мига больше я не протяну,
В тот самый час, когда в успокоенье
Прислушаюсь я к лести восхвалений,
Или предамся лени или сну,
Или себя дурачить страсти дам, –
Пускай тогда в разгаре наслаждений
Мне смерть придет!...
Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» –
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, – я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

Люцифер просит Фауста подписаться *каплей крови*. А будучи спрошен о причине, отвечает лукаво: «Кровь, надо знать, совсем особый сок». Библия утверждает, что кровь является обителью души.

Когда Земля находилась в процессе сгущения, невидимая аура, окружающая Марс, Меркурий и Венеру, пронизывала Землю и Духи этих планет находились в особых тесных отношениях с человечеством. Железо – металл Марса, и, если оно содержится 31] в крови, становится возможным окисление. Таким образом посредством Люциферовых Духов с Марса было получено внутреннее тепло, требуемое для проявления внутрисущего

Духа. Поэтому Духи Люцифера ответственны за условия, при которых Эго заключено в физическое тело.

Когда кровь истекает из физического тела и сворачивается, каждая ее частица имеет особую неповторимую форму. Поэтому тот, кто заполучил кровь человека, устанавливает связь с Духом, который выстроил эти кровяные частицы. Он получает власть над этим человеком, если знает, как использовать эту силу. По этой причине Люцифер и потребовал, чтобы Фауст расписался кровью, ведь посредством *имени* жертвы, написанного кровью, он мог удерживать душу в своей власти по соответствующему закону.

Это действительно так! Кровь – совсем особый сок, равно важный в белой и черной магии. Всякое практическое знание по необходимости питается жизнью, заранее извлеченной из вытяжек жизненного тела: сексуальной силы и крови. Всякое знание, не питающееся этими компонентами, мертво и бессильно, как философия, извлеченная Фаустом из его книг. Никакие книги сами по себе не имеют достаточной силы. Знание ценно лишь в той мере, в какой мы воплощаем его в своей жизни.

Но вот в чем главное отличие: если стремящийся в школах Священной науки питает свою **32]** душу *собственной сексуальной силой* и низшими страстями в *своей собственной крови*, которые он трансмутирует и очищает, то приверженцы школы черной магии живут как вампиры за счет сексуальной силы других и нечистой крови, вытянутой из вен своих жертв. В замке Грааля чистая и очищенная кровь творит чудеса для тех, кто непорочен и устремлен к высоким идеалам. Во дворце Ирода Саломея – олицетворение сладострастия – наполняет страстями кровь, заставляя ее бежать быстрее по жилам зрителей, а кровь, истекающая из головы казненного Крестителя, служит пополнению их силы, которую они малодушно отказываются накапливать через собственное страдание и очищение.

Фауст рассчитывает быстро обрести силу с помощью других. Отсюда и его опасные контакты. Точно так же поступают сегодня те, кто бегают за самозваными «адептами» и «учителями», которые готовы потакать низшим аппетитам своих простодушных клиентов, как Люцифер был готов служить Фаусту. Но что бы они ни заявляли, дать силу душе они не в состоянии. Она приходит только изнутри благодаря терпеливой настойчивости в праведных деяниях, и об этом нужно напоминать снова и снова.

33]

Глава V Продать душу Сатане (*продолжение*)

Будучи безразличным ко всему, Фауст презрительно отвечает на требование Люцифера кровью подписать договор между ними:

Увы, тебя я не надую.
Я – твой, тебе принадлежу,
Раз обещаю к платежу
Себя и жизнь свою пустую,
Которой я не дорожу.
Чем только я кичиться мог?
Великий дух миропорядка
Пришел и мною пренебрег.
Природа для меня загадка.
Я на познание ставлю крест.
Чуть вспомню книги – злоба ест.
Отныне с головой нырну
В страстей клокочущих горнило,
Со всей безудержностью пыла
В пучину их, на глубину! 34]

Отвергнутый силами добра и снедаемый желанием обрести знание из первых рук, желанием реальной силы, он

готов на все. Но разве не сказал Господь в прологе: «Чутьем, по собственной охоте он вырвется из тупика»?

Фауст – стремящаяся душа, а душа не может постоянно отворачиваться от пути эволюции.

Утверждение Фаустом своей цели выдает его высокий идеал, пусть даже он погрузился в трясину. Он жаждет опыта:

О радостях и речи нет.
Скорей о буре, урагане,
Угаре страсти разговор.
С тех пор как я остыл к познанию,
Я людям руки распростер.
Я грудь печалям их открою
И радостям – всему, всему,
И все их время роковое,
Все беды на себя возьму.

Прежде чем стать по-настоящему страстным, нужно начать чувствовать так, как этого желает Фауст, чувствовать глубины печали человеческой души вместе с ее экстатической радостью, ибо, только зная пределы человеческой страсти, мы можем проникнуться состраданием – качеством, необходимым **35** тем, кто стремится помочь подъему человечества. С помощью Люцифера Фауст сможет познать радость и печаль, ведь Люцифер действительно «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла».

Благодаря вмешательству Духов Люцифера в схему эволюции страсти в человечестве поднялись до предела, взаимно усиливаясь и сливаясь в реку, явившуюся причиной всех скорбей и страданий мира. Тем не менее так была пробуждена индивидуальность человека, которая освободила его от направляющих пут Ангелов. Вот и Фауст с помощью Люцифера уходит от традиционных путей и тем самым индивидуализируется. Когда сделка между Фаустом и Люцифером заключена, мы видим повторение истории сынов Каина, потомков и подопечных Духов

Люцифера, изложенной в нашей книге «Франкмасонство и католицизм».

В трагедии Фауста Маргарита олицетворяет сынов Сифа, духовенство, описанное в масонской легенде. Итак, двум классам, представленным Фаустом и Маргаритой, суждено встретиться. Между ними будет разыграна трагедия жизни, а их последующие страдания позволят им обрести крылья, которые вновь поднимут их на вершины блаженства, откуда они когда-то ниспали. А пока Люцифер приводит Фауста на кухню ведьмы **36]** за эликсиром молодости, чтобы тот, омолодившись, мог стать желанным в глазах Маргариты.

Когда Фауст предстает на сцене, кухня ведьмы заполнена орудиями магического производства. Адский огонь пылает под котелком, в котором варится любовное зелье, полно и других невиданных предметов. Но мы можем легко пропустить без всякого упоминания все неодушевленные объекты, сосредоточившись не без пользы на обезьяньем семействе, которое там обнаруживается, ибо оно тоже представляет собой фазу человеческой эволюции.

Исполненное страсти, внушенной Духами Люциферам, или падшими Ангелами, человечество отреклось от ангельского воинства, возглавляемого Иеговой. Вследствие усиливающейся силы желания люди вскоре облачились в «грешные оболочки», отделившие их друг от друга. Эгоизм вытеснил братские чувства по достижении пика материальности. Некоторые были более страстными, чем другие, и потому их тела кристаллизовались в большей степени. Они деградировали и стали обезьянами. Их рост уменьшился, и тем самым была проведена черта между видами. Они стали объектом особого покровительства Духов Люцифера. Так миф о Фаусте показывает нам ту фазу человеческой эволюции, которая не была упомянута в масонской легенде, давая более полное представление о том, что случилось на самом деле.

Когда-то все человечество находилось на ступени, которую нынешний ученый полагает пропущенным звеном. Те, **37]** кто являются нынешними обезьянами, деградировали от этой ступени, а человеческое семейство развилось до нынешней стадии. Нам всем хорошо известно, насколько потакание страстям огрубляет тех, кто дает им волю, поэтому мы готовы признать, что во времена, когда человек еще только становился человеком и не был индивидуализирован, находясь под прямым контролем космических сил, такое потакание не сдерживалось чувством самости, отчасти охраняющим нас сегодня. Поэтому результаты разгула страстей вполне могли быть столь далеко идущими и ужасающими.

Однажды каждая стремящаяся душа должна посетить кухню ведьмы, как и Фауст, чтобы взглянуть на предметный урок последствий совершенного зла, представленный обезьянами. Затем душа отпускается на встречу с Маргаритой в саду, чтобы искушать и быть искушенной, чтобы выбрать между чистотой и страстью, чтобы пасть, как Фауст, или выстоять непреклонно, как Парсифаль. По закону Компенсации каждый потом получает свое воздаяние за поступки, совершенные в теле. Действительно, счастье должно быть заслужено, и истинная мудрость обретается лишь терпеливой настойчивостью в добродетели.

Им не понять, как детям малым,
Что счастье не влетает в рот.
Я б философский камень дал им, –
Философа недостает.

Верный своей цели изучать *жизнь* вместо *книг*, Фауст требует, чтобы Люцифер обеспечил ему доступ в дом Маргариты и помог добиться **38]** ее благосклонности благодаря царскому подарку – драгоценностям, тайно подброшенным в ее шкаф. Брат Маргариты находится далеко, сражаясь за свою Родину. Ее мать неспособна решить, что делать с подарком, и берет его с собой в

церковь, к духовному наставнику. Последний же возлюбил яркие камни больше душ, вверенных его попечению. Он пренебрег своим долгом из-за нитки жемчуга, более желая охранять драгоценности, годящиеся для идола, чем оберегать дитя церкви от опасных ловушек, выстроенных вокруг нее и угрожающих ее нравственности. Так Люцифер выигрывает эту игру и быстро пожинает урожай крови и человеческих душ, поскольку, чтобы получить доступ в комнату Маргариты, Фауст подбил ее дать матери сонный порошок, от которого та умерла. Валентина, брата Маргариты, Фауст убивает. Маргариту бросают в тюрьму и приговаривают к смертной казни.

Памятаю, что кровь – обитель души, прикипающая к плоти внезапно погибающего человека так же, как ядро сцепляется с плотью незрелого плода, легко понять, что такая смерть очень мучительна. Люциферовские Духи наслаждаются интенсивностью чувства и развиваются благодаря ей. Природа эмоции не так важна, как ее накал, так что цель в любом случае достигается. Поэтому Духи стимулируют человеческие страсти низшего порядка, ведь они более интенсивны на данной стадии эволюции, чем чувства радости и любви. В результате 39] кругом царят войны, кровопролития и проявления зла, но все это, по сути, является мощением дороги к более высоким и благородным идеалам, ибо через страдание и боль, подобные рожденным в груди Маргариты, Эго поднимается выше по шкале эволюции. Оно усваивает урок добродетели, даже сделав неверный шаг в направлении порока.

Полностью сознавая этот факт, Гете писал:

Тот, кто не ел свою корку в печали,
Тяжко вздыхая в часы полночные,
Плача и утра с тоской ожидая –
Тот вас не знает, силы небесные.

Глава VI

Расплата за грехи и пути спасения

«Расплата за грехи – смерть», гласит Библия, и, заражая плоть, мы вправе ожидать ее разложения. Не следует удивляться, что люди с пассивным характером, подобные сыновьям Сифа и представленные в мифе о Фаусте Маргаритой, пали жертвой этого закона Природы еще в очень далекие времена, когда чаша греха уже была переполнена. Быстрое постижение Маргаритой всего ужаса матереубийства – вот иллюстрация того, как работает этот закон. И то, что церковь не уберегла ее, когда еще было время, являет пример того, как общество скрывает свое равнодушие, демонстрируя возмущение преступлениями, за которые оно само по большей части несет ответственность.

Если бы священник попытался помочь Маргарите вместо того, чтобы домогаться драгоценностей, он, быть может, защитил бы ее от злого рока, нависшего над ней, и, несмотря на страдания из-за потери возлюбленного, она сохранила бы чистоту. Но, с другой стороны, именно **41]** интенсивность скорби помогает душе отыскать путь назад к источнику своего бытия, ибо все мы – блудные дети Отца нашего Небесного; мы далеко ушли от царства духа и питаемся шелухой материи, чтобы набраться опыта и обрести индивидуальность.

Погружаясь в трясину отчаяния, мы начинаем сознавать наше высокое происхождение и восклицаем: «Встану, пойду к Отцу моему». Причастность к церкви или изучение мистицизма с интеллектуальной точки зрения не дают осознания места назначения, что необходимо перед вступлением на Путь. Но, лишившись всякой земной поддержки, будучи больны или в тюрьме, мы оказываемся ближе к Спасителю и дорожке Его сердцу, чем в любое другое время. Поэтому Маргарита в тюрьме, проклиная

обществом, ближе к Богу, нежели невинная, прекрасная и чистая Маргарита, перед которой раскрылся весь мир, когда она встретила Фауста в саду.

У Христа не было вести для тех, кто удовлетворен миром и любит пути его. Пока они в таком состоянии ума, Ему не о чем говорить с ними, да они и не услышат Его голоса. А в словах Его слышится бесконечная нежность: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Грешная душа, символизируемая Маргаритой в тюремной камере, одинокой, осуждаемой обществом как прокаженная и отверженная, побуждается обратить глаза свои к небу. И молитва ее не напрасна. Все же до последнего момента **42]** искушение подстерегает ищущую душу. Врата ада и рая пока закрыты для находящейся в тюрьме Маргариты. Но вот ее навещают Фауст с Люцифером, предлагающие вызволить ее из темницы и избавить от неминуемой смерти в обмен на жизнь, увы, позорную и зависимую. Но она тверда: лучше тюрьма и смерть, чем жизнь и свобода в обществе Люцифера. Так она проходит испытание и удостоивается Царства Небесного.

Соломон, раб Иеговы, сын Сифа, был привязан к Богу, создавшему его и его предков. Но в последующей жизни он, уже как Иисус, оставил своего прежнего Хозяина при Крещении и тогда удостоился Духа Христова. Так и каждый сын Сифа должен однажды оставить своих стражей и открыться Христу любой ценой, даже ценою жизни.

Маргарита в своей темнице сделала этот важный шаг и удостоилась гражданства на Новых Небесах и Новой Земле посредством *веры* в Христа. Фауст же, напротив, надолго остался с Духом Люцифера. Он обладает более активным, позитивным характером, как истинный сын Каина, и, хотя расплата за грех может привести его в итоге к смерти, его спасение – в более чистом понимании любви и в труде.

Во второй части «Фауста» мы видим героя, павшего духом после несчастья, обрушившегося из-за него на

Маргариту. Он сознает свою ошибку и начинает восхождение по пути искупления. Он использует Дух Люцифера, связанный с ним клятвой 43] крови, как средство достижения своей новой цели. Фауст становится важной персоной в государственных делах той страны, куда привело их путешествие. Все сыны Каина с радостью предаются государственным заботам, тогда как сыны Сифа любят церковь.

Не довольствуясь, однако, служением другому при существующих условиях, Фауст приказывает дьявольским силам создать остров, подняв его из моря, чтобы основать там Новую Землю. Он питает утопические мечты о том, что свободная земля станет домом свободных людей, которые будут жить на ней в мире и довольстве, устремляясь к высшим жизненным идеалам.

Эти идеалы создаются в его душе любовью к Елене, и эта любовь – нежнейшая и духовная, совершенно лишенная страстной, сексуальной окраски. Со временем его новая земля поднимается из моря, но взор его затуманен, поскольку внимание его уже приковано не к земным, а к небесным делам. И пока он стоит так, наблюдая силы, возглавляемые Люцифером, трудящиеся день и ночь, он осознает реальность заявления Люцифера о том, что он «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла».

Фауст видит, что работа, исполняемая низшими силами, близка к завершению, но его взор скользит дальше. Однако страстное желание 44] души видеть плоды своей работы заставляет его удерживать внимание на том, как его утопическая мечта становится реальностью. И когда прекрасное видение – остров, поднявшийся из моря, и счастливый народ, населяющий его в мире и согласии, – начинает уходить от его невидящих глаз, он восклицает роковые слова, и свершается начертанное в договоре с Люцифером.

Едва я миг отдельный возвеличу,

Вскричав: «Мгновение, повремени!» –
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка,
Тогда ты волен, – я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.

По условиям договора, когда Фауст произносит эти слова, силы ада перестают ему подчиняться и он становится их рабом; по крайней мере так должно было быть. Но Фауст ведь не желает останавливать ход времени, чтобы усладить свое чувственное восприятие или удовлетворить эгоистическое желание, как сказано в договоре. Он хочет остановить время для того, чтобы реализовать альтруистический, благородный идеал. Поэтому на самом деле он свободен от Люцифера, и битва между ангельскими силами и воинствами Люцифера в итоге завершается триумфом первых, которые уносят ищущую 45] душу на небеса в царство Христа, восклицая:

Пламя священное!
Кто им охвачен,
К жизни блаженной
Добра предназначен.
Воздух очищен.
Братья, в полет!
Дух сей похищенный
Вольно вздохнет.

Поэтому Фауст мифический совершенно отличен от Фауста сценического, и драма, начавшаяся на небесах с позволения Люциферу искушать Фауста так же, как Иов искушался в древности, также завершается на небесах, когда искушение преодолено и душа возвратилась к Отцу.

Великий мистик Гете ювелирно завершает свое изложение мифа одним из самых мистических стансов во всей литературе:

Все быстротечное –

Символ, сравненье.
Цель бесконечная
Здесь – в достиженье.
Здесь – заповеданность
Истины всей.
Вечная женственность
Тянет нас к ней. 46]

Этот станс непонятен тем, кто не в силах проникнуть в небесные сферы, где она, должно быть, всегда воспевается. В ней говорится о том, что все материальные формы преходящи, подвержены смерти и изменению и являются лишь подобием архетипа, видимого на небесах. «Цель бесконечная здесь – в достиженье», то есть то, что кажется невозможным на земле, совершается на небесах. Никто не знает этого лучше, чем тот, кто способен действовать в том царстве, ибо там расцветают и плодоносят все высокие и благородные устремления. Невыразимые желания, идеи и переживания души, лишь смутно прозреваемые в нашем мире, ясно очерчиваются на небесах. Вечная Женственность, великая Творческая Сила Природы, Мать-Богиня, увлекающая нас на путь эволюции, становится там зримой и осязаемой. И поэтому миф о Фаусте рассказывает нам историю о Мировом храме, который строят два типа людей и который в итоге станет Новыми Небесами и Новой Землей, предсказанными в Книге Книг.

ПАРСИФАЛЬ

Глава VII

Знаменитая мистическая музыкальная драма Вагнера

Оглядываясь на материальную вселенную, мы видим мириады *форм*, и все эти формы обладают своим *цветом*, а многие из них издают и определенный *тон*; фактически все они звучат, даже те, что принадлежат так называемой неживой природе. Ветер в вершинах деревьев, журчание ручья, рокот океана – все они делают свой вклад в гармонию Природы.

Из трех этих атрибутов Природы – формы, цвета и тона – форма является наиболее стабильной, стремящейся сохранить свой *status quo* в течение продолжительного времени и изменяться очень 50] медленно. Цвет же, с другой стороны, изменяется быстрее: он выгорает, а то и просто меняет свои оттенки в зависимости от угла зрения. Но звук, тон – самый неуловимый из всех трех; он приходит и уходит как блуждающий огонек, который ничто не может поймать или удержать.

Существуют три вида искусства, выражающие добро, истину и красоту этими тремя атрибутами Мировой Души: скульптура, живопись и музыка.

Скульптор, работающий с формой, стремится заключить красоту в мраморную статую, которая будет тысячелетиями противостоять натиску времени; но мраморная статуя холодна и говорит лишь с немногими посвященными, способными напитать мрамор собственной жизнью.

Искусство живописца относится прежде всего к сфере цвета; он не сообщает осязаемых форм своим творениям. С

материальной точки зрения форма на холсте лишь иллюзия, но для большинства людей она намного реальнее, чем статуя, потому что живописная форма живее. Есть *живая* красота в творениях великих художников, красота, которую многие понимают и которой наслаждаются.

Но цвет, увы, изменчив, и время вскоре лишает краски на полотнах их первоначальной свежести; по крайней мере, ни одна картина не может пережить статую.

В этих двух видах искусства, работающих с формой и цветом, произведение создается раз и навсегда, и в этом они радикально отличаются **51]** от искусства звука, ибо музыка столь неуловима, что ее нужно воссоздавать раз за разом, когда мы снова хотим насладиться ею. Зато по возвращении она способна говорить со *всеми* человеческими существами с силой, превосходящей возможности двух прочих искусств. Она умножает наши величайшие радости и успокаивает в глубочайшем горе; она может утихомирить страсти дикого зверя и побудить на подвиг самого малодушного человека. Музыка оказывает на человека самое сильное воздействие, и все же с материальной точки зрения она избыточна, как показали Дарвин и Спенсер.

Лишь пройдя за сцену видимого и осознав, что человек – существо сложное, состоящее из Духа, души и тела, мы можем понять, почему на нас так по-разному действуют эти три вида искусства.

Наряду с тем, что человек живет внешней жизнью в мире формы, где и он – форма среди других форм, ему присуща и *внутренняя* жизнь, имеющая для него гораздо большее значение. Это жизнь, в которой его чувство, мысли и эмоции разворачивают перед ним вечно меняющиеся картины и сцены «внутреннего видения». И чем полнее его внутренняя жизнь, тем менее он нуждается в компании. Он сам себе – лучшая компания и не зависит от очарованности внешним, которой так ревностно ищет

люди со скудной внутренней жизнью. Кто причастен толпе, тот чужд сам себе и боится встречи со своим «я».

Если проанализировать внутреннюю жизнь, можно обнаружить, что она двояка: 1) это жизнь души, связанная с **52]** *чувствами и эмоциями*, и 2) активность Эго, направляющая все действия *мыслью*.

Материальный мир можно уподобить складу, откуда берутся материалы для нашего плотного тела; преимущественно это мир формы. Точно так же мир души, названный розенкрейцерами миром Желаний, является хранилищем, из которого извлекается тонкое одеяние Эго, называемое душой; это главным образом мир цвета. Еще более тонкий мир Мысли является домом человеческого Духа, Эго, и царством звука. Поэтому из трех видов искусства музыка обладает наибольшей властью над человеком; ибо, живя земной жизнью, мы находимся вдалеке от нашего небесного дома и часто забываем его в своих материальных заботах; но вот приходит музыка, и ее упоительный аромат воскрешает память о невыразимом. Словно эхо далекой родины, она напоминает нам о том забытом мире, где все есть радость и спокойствие, и, даже если материальный ум отвергает ее, Эго узнает каждую ноту как благословенное послание из родной земли и радуется ей.

Понимание природы музыки необходимо для правильного восприятия таких великих шедевров, как «Парсифаль» Рихарда Вагнера, в котором музыка и характеры сплетены как ни в одном другом современном музыкальном произведении.

Драма Вагнера основана на легенде о Парсифале, происхождение которой окутано **53]** тайной, как и вся пора младенчества рода человеческого. Ошибочно думать, что миф есть плод человеческой фантазии, не имеющий под собой фактического основания. Напротив, миф подобен шкатулке, содержащей порой глубочайшие и драгоценнейшие духовные истины, жемчужины редкой

красоты, недоступные материалистическому интеллекту. Чтобы охранить их и одновременно позволить им работать на благо человечества, для его духовного подъема, невидимые, но могущественные Великие Учителя, направляющие эволюцию, сообщили нарождающемуся человечеству эти духовные истины, облачив их в живописный убор символических мифов, чтобы те могли воздействовать на наши чувства, пока просыпающийся разум не окрепнет и не одухотворится в достаточной степени, чтобы мы могли чувствовать и знать одновременно.

По тому же самому принципу мы даем своим детям книжки с картинками и сказки, содержащие в себе нравоучение, приберегая прямое обучение нравственным истинам на более поздние годы.

Вагнер сделал больше, чем просто скопировал легенду. Легенды, как и все остальное, обрастают шелухой в процессе их передачи и теряют свою красоту. Величие Вагнера в том, что он никогда не связывал себя в творчестве модой или верой. Он всегда признавал прерогативу искусства обращаться с аллегориями беспрепятственно и свободно.

Вот что он писал в «Религии и искусстве»: «Можно сказать, что, когда религия становится искусственной, дело искусства – спасти и сохранить религиозный дух, распознавая **54]** метафорическую ценность мифического символа, в который религия заставляет верить нас буквально, и открывая глубоко сокрытые истины посредством идеального представления... Если священник вынужден опираться на религиозные аллегории как на факты, то художнику вовсе нет дела до этого, ибо он свободно и открыто выдает свою работу как собственное изобретение. Религия пала до искусственности, вынужденная придерживаться структуры из догматических символов, скрывающей божественную истину под растущей кучей невероятных фактов, в которые нужно

верить. Чувствуя это, она всегда искала помощи у искусства, которое, в свою очередь, было бы неспособно к развитию, представляя своим поклонникам сомнительную реальность в форме фетишей и идолов, в то время как его истинное предназначение – идеальное представление аллегорической фигуры, ведущей к постижению внутреннего ядра – невыразимой божественной истины».

Обращаясь к драме о Парсифале, мы видим, что ее действие поначалу разворачивается на землях замка Монсальват. Это место умиротворения, где всякая жизнь свята; животные и птицы там ручные, поскольку рыцари замка не причиняют им вреда и не убивают их ради еды или из азарта. Они соблюдают закон: «Живи и давай жить всем живым существам».

Рассвет. Мы видим под деревом Гурнеманца, старейшего из рыцарей Грааля, с двумя молодыми пажами. 55] Они только что проснулись и видят вдаль Кундри на бешено скачущем коне. В образе Кундри мы видим двуликое существо: одна ее сторона – слуга Грааля, жаждущий сражаться на стороне рыцарей Грааля всеми возможными средствами; похоже, что это ее истинная природа. Другая сторона – безвольная рабыня волшебника Клингзора, заставляющего ее соблазнять и изводить рыцарей, которым она хочет служить. Переход с одной стороны на другую – сон, и она вынуждена служить тому, кто найдет и разбудит ее. Если это Гурнеманц, она – ревностный слугитель Грааля, но, если Клингзор пробуждает ее своими злыми чарами, она обязана служить ему, хочет она того или нет.

В первом акте она одета в одежду из змеиной кожи, что символизирует доктрину возрождения, ибо, как змея сбрасывает свою кожу слой за слоем, выходя из самой себя, так и Эго в своем эволюционном странствии эманурует из себя одно тело за другим, чтобы затем сбросить их слой за слоем, когда они «ороговеют» и кристаллизуются настолько, что потеряют свою эффективность. Эта

доктрина идет рука об руку с учением о законе Следствий, согласно которому мы жнем то, что сеем, выраженным в ответе Гурнеманца юному пажу, который недоверчиво относится к Кундри:

Да, верно, с проклятием на душе...
Вновь, быть может, она живет,
чтоб страшный грех из жизни прежней
ей был прощен Творцом небесным... 56]
Если она свой путь спасенья
в беззаветной службе братству ищет, –
благ этот путь, и Кундри права:
нам служа, – спасет себя!⁴

Когда Кундри вступает на сцену, она достает из-за пазухи флакон с бальзамом, который привезла из Аравии, надеясь, что бальзам поможет излечить рану Амфортаса, короля Грааля, причиняющую ему невероятные страдания. Затем на сцену вносят мучающегося болью короля, возлежащего на носилках. Его несут омыться в близлежащем озере, где два лебедя взбивают своими крыльями воду, превращая ее в целительное снадобье, облегчающее его невыносимые страдания. Амфортас благодарит Кундри, но тут же говорит о том, что вряд ли исцелится до тех пор, пока не появится избавитель, о котором Грааль пророчил, что это будет «престец святой, любовью мудрый». Но смерть, мнится Амфортасу, придет раньше избавления.

Амфортаса уносят, и четверо молодых пажей обступают Гурнеманца, прося его рассказать историю о Граале и ране Амфортаса. И вот они располагаются под деревом, и Гурнеманц начинает:

«Той ночью, когда наш Господь и Спаситель Иисус Христос был на Тайной вечере, Он пил со своими

⁴ Здесь и ниже тексты Вагнера даются в переводе В.Коломийцева. – *Прим. пер.*

учениками вино из кубка, в который позднее Иосиф из Аримафеи собрал кровь, истекающую из раны в боку Искупителя. 57] Взял он и окровавленное копьё, которым была нанесена рана, и сохранил эти реликвии, пережив многие напасти и гонения. В конце концов они попали к Ангелам, которые хранили их до тех пор, пока однажды ночью таинственный посланник Божий не явился Титурелю, отцу Амфортаса, и не предложил ему выстроить замок для сохранения этих реликвий. Так *на высокой горе* был выстроен замок Монсальват, где и поместили их под охраной Титуреля и отряда святых и безгрешных рыцарей, которыми он окружил себя. Это место стало центром, из которого во внешний мир исходили могучие духовные влияния.

Но неподалеку, в дикой долине, жил черный рыцарь, нечистый душой, но жаждущий стать рыцарем Грааля. И с этой целью он искалечил себя. Он лишил себя способности удовлетворять свою страсть, но сама страсть осталась. Король Титурель видел, как сердце его наполнялось черным желанием, и отказался принять его. Тогда Клингзор поклялся, что, если он не может служить Граалю, тогда Грааль будет служить ему. Он выстроил замок с магическим садом вокруг и поселил в нем дев поразительной красоты, благоухающих как цветы, которые стали подстерегать рыцарей Грааля (проезжающих мимо из Монсальвата и обратно), соблазняя их предать свою веру и нарушить обет целомудрия. Многие стали пленниками Клингзора, но часть осталась защитниками Грааля. 58]

Время шло, и Титурель передал Грааль на хранение своему сыну Амфортасу, который, видя опустошение, учиняемое Клингзором, решил встретиться с ним на поле битвы, взяв с собой священное копьё.

Хитрый Клингзор уклонился от столкновения с Амфортасом лицом к лицу, а разбудил Кундри, превратив ее из того отталкивающего вида создания, которое служило Граалю, в женщину невиданной красоты. Повинуясь чарам

Клингзора, она стала соблазнять Амфортаса, который поддался ей и выпустил из рук священное копьё. Тут появился Клингзор, схватил копьё и нанес рану беззащитному Амфортасу. Если бы не героические усилия Гурнеманца, он увлек бы короля как пленника в свой волшебный замок. Копьё осталось у него, король был искалечен и жестоко страдал с тех пор, ибо рана не заживала».

Юные пажи вскакивают на ноги, щеки их пылают, они в один голос клянутся победить Клингзора и вернуть копьё. Гурнеманц горько качает головой и говорит:

Пред одинокой чашей
в мольбе горячей пал Амфортас
и Божья слова ждал тоскливо...
Мерцаньем дивным засияла чаша, –
и вот бесплотный дух
чудесно начертал,
как знаменье небес, слова надежды:
«Любовью мудрый,
престец святой:
жди его, –
он избран Мной...»

Слышатся крики: «Лебедь! Лебедь!», и лебедь, трепыхаясь, тяжело падает на сцену и умирает у ног Гурнеманца и потрясенных пажей. Другие пажи вводят крепкого юношу, вооруженного луком и стрелами, который в ответ на горький вопрос Гурнеманца: «Зачем ты подстрелил **59]** безвредное создание?» невинно отвечает: «А что ж такого?» Гурнеманц рассказывает ему о страдающем короле и о том, как лебедь делал воду в озере целебной. Парсифаль глубоко тронут этим рассказом и ломает свой лук.

Во всех религиях движение духа символически представляется птицей. При Крещении, когда тело Иисуса находилось в воде, Дух Христов сошел на него в виде голубя. «Дух сходит на воды», в текучую среду, и вот

лебедь скользит по водной глади у Иггдразила, дерева жизни в скандинавской мифологии, или по озеру в легенде о Граале. Птица тем самым напрямую указывает на высшее духовное влияние, и велика была скорбь рыцарей об ее потере. Истина многогранна. Существует по крайней мере семь интерпретаций каждого мифа, по одной на каждый мир. С материальной, буквальной точки зрения сострадание, возникшее в Парсифале, и то, что он ломает свой лук, отмечает его решительный шаг к высшей жизни. Не может человек стать истинно страдающим помощником эволюции, пока он убивает ради пищи, сам или через посредников. *Жизнь без причинения вреда есть абсолютно необходимая предпосылка для жизни такого помощника.*

Гурнеманц тем временем расспрашивает его: кто он, откуда явился в Монсальват. Парсифаль выказывает поразительное невежество, на все вопросы отвечая: «Не знаю». Наконец Кундри громко заявляет: «Я скажу, кто он. Отец его – благородный принц Гамурет, 60] погибший в битве в Аравии, когда его ребенок еще был во чреве матери, леди Херцлейды. С последним вздохом отец нарек его Парсифалем, “простецом святым”. Мать, боясь, что он захочет постигать воинские искусства и покинет ее, укрылась в нем в глухом лесу, где неизвестны были орудия войны».

Здесь Парсифаль словно бы очнулся:

Да! И раз в долине мимо меня
на чудных животных
едут два блестящих мужа;
я хотел быть таким же, –
со смехом умчались они.
Я вслед бежал, но так и не мог догнать их.
Пустыней горной шел я –
то вверх, то вниз;
то ночь была, то снова день;
мой лук меня охранял

против больших людей и зверя...

Эта история – прекрасная иллюстрация поиска душой жизненных реалий. Гамурет и Парсифаль символизируют различные фазы жизни души. Гамурет – человек мирской, женившийся однажды на Херцлейде (дословно «горе сердечное»). Он пьет свою чашу скорби и умирает для мира, как предстоит всем тем из нас, кто готовится к высшей жизни. Пока корабль жизни плывет по летним морям и существование кажется нам одной грандиозной, сладкой песней, нет никакого стремления куда-то выше, каждая клеточка нашего тела кричит: «Мне довольно и этого». Но когда штормовые волны бедствий начинают грозно реветь вокруг, грозя утопить, мы постигаем горе сердцем и становимся «человеками скорбей». Тогда мы готовы родиться, как Парсифаль, простецами святыми, или душами, позабывшими премудрость мира и ищущими высшей жизни. Пока человек ищет способа накопить денег или развлечься, он поступает мудро, но это мудрость мирская. Когда же он **61]** поворачивается лицом к объектам Духа, он становится простаком в глазах мира. Он забывает все о своей прошлой жизни и оставляет скорби свои позади, как и Парсифаль оставил Херцлейду. Она умерла, когда он к ней не вернулся. Так тяжело умирать, дав рождение душе, стремящейся прочь от мира; эта душа еще может быть в мире, чтобы исполнить свой долг, но она уже не от мира.

Гурнеманц начинает проникаться мыслью, что Парсифаль и есть избавитель Амфортаса, и берет его с собой в замок Грааля. И на вопрос Парсифаля: «Что значит Грааль?» отвечает:

Сказать нельзя;
но если ты его избранник,
ты эту тайну сам узнаешь.
Ну вот! –
Теперь я вижу, что ты чист:
к нему ведь нет совсем пути,
и только тот проникнет к Граалю,

кого он сам к себе направит...

Тут Вагнер возвращает нас в дохристианские времена, поскольку до прихода Христа Посвящение предназначалось не для всех ищущих, а только для избранных каст вроде браминов или левитов, имевших специальные привилегии и условие возвратиться в храм для служения. Однако явление Христа произвело решительные перемены в устройстве **62]** человеческой жизни, и теперь все имеют право вступить на путь Посвящения. Одновременно межнациональные браки сокрушили кастовую систему.

В замке Грааля все умоляют Амфортаса исполнить таинство служения Граалю, открыть священный кубок, чтобы лицемерие его подкрепило усердие рыцарей и побудило их на подвиги духовного служения, но тот уклоняется, боясь, что зрелище причинит ему дополнительные мучения. Рана в его боку всегда начинает кровоточить с новой силой при виде Грааля подобно тому, как угрызания совести заставляют страдать нас всех, когда мы грешим против нашего идеала. Однако он наконец внимает просьбам своего отца и рыцарей и исполняет священный ритуал, несмотря на невыносимую боль. И Парсифаль, стоящий в углу, *благодаря симпатической связи чувствует ту же боль*, не понимая, почему это происходит. Когда Гурнеманц после церемонии пылливо расспрашивает его о том, что он видел, Парсифаль остается безучастным к вопросам, и тогда разочарованный старый рыцарь в сердцах выталкивает его из замка.

Чувства и эмоции, не контролируемые знанием, – обильный источник искушений. Самая безвредная и бесхитростная из стремящихся душ часто становится легкой добычей греха. Необходим душевный рост, чтобы искушения приходили к нам для устранения наших слабостей. Если мы поддаемся им, то страдаем, как Амфортас, но боль развивает совесть и вызывает отвращение к греху. Она закаляет нас, избавляя от искушения. **63]** Каждое дитя *невинно*, потому что оно не

искушалось и оставалось чистым, но *добродетельными* мы становимся, испытав падение, раскаяние и изменив себя. Поэтому Парсифалю предстояло искушение.

Во втором акте мы видим Клингзора, будящего Кундри. Он следил за Парсифалем, идущим к нему в замок, и больше всего на свете страшился его *простоты*. Помирскому умудренный человек легко попадает в сети красоток, но бесхитрость Парсифаля защищала его, и, когда девушки окружили его, он невинно спросил:

Как сладок запах ваш! –
Значит, вы цветочки?

Чтобы победить его, нужны были дьявольские уловки Кундри, и, несмотря на ее протесты и нежелание, Клингзор отослал ее искушать Парсифаля. Она явилась ему в облике женщины необычайной красоты и обратилась к нему по имени: «Парсифаль!». Это имя жило в его детской памяти любовью его матери, и так Кундри привлекла его на свою сторону и начала тонко обхаживать его, вызывая у него в памяти образ матери, ее любовь к нему и то страдание, которое она ощущала после его ухода, страдание, которое убило ее. Затем Кундри рассказала ему об иной любви, которая может компенсировать материнскую, о любви мужчины к женщине, и запечатлела на его устах долгий, страстный, пламенный поцелуй.

И наступило молчание, глубокое и ужасное, когда словно судьба всего мира висела на волоске из-за этого знойного поцелуя, и, когда Кундри обняла Парсифаля крепче, его лицо исказилось **64]** от боли. Внезапно он вскакивает, как будто этот поцелуй ужалил его, черты его мертвенно-бледного лица проясняются, и он обеими руками хватается за сердце, бешено колотящееся, словно в агонии: чаша Грааля предстает перед его внутренним взором рядом со страдающим Амфортасом. Он кричит:

Амфортас!
Он ранен! Я понял!
Меня жжет эта рана!

О, слезы, слезы!
Жалобным воплем
из глуби сердца рвутся они!
О! О!
Страдалец! Царь несчастный!
Я видел эту рану...
Вот ранен я и сам!
Здесь... Здесь!

Кундри глядит на него с изумлением и страхом, а он продолжает в совершенном экстазе.

Нет, нет! Я не в тело ранен!
Алым потоком кровь не бежит!
Здесь! Здесь – в сердце огонь!
Томленьем, ужасным томленьем
я весь схвачен и скован весь!
О! Мука страсти!
Как все трепещет и дрожит
в греховном вожделье!..

Кундри вновь искушает его: «Так мой поцелуй тебя всевидящим сделал? Упав в мои объятия, ты власти Божьей достигнешь!»

Но тот уже более не сомневается; он пробужден, зная, что ложь, а что правда. И он отвечает:

Навеки
нас с тобой осудит Бог,
когда на час лишь
забуду мое призванье
в твоих объятиях знойных!
Но будешь спасена и ты,
если осилишь страсть свою.
*Отрады и конца страданью
не даст тебе родник страстей,
блаженства ты снискать не можешь,
пока ты пьешь источник злой!*

*Другой родник, – другую страсть
и жажду счастья видел я...*

Наконец Кундри вынуждена признать себя побежденной **65]** и взрывается иступленным гневом. Она зовет Клингзора, который появляется со священным копьем и бросает его в Парсифаля. Но поскольку тот чист и безгрешен, ничто не может повредить ему. Копье висает над его головой, Парсифаль хватает его, делает им знак креста в воздухе, и замок Клингзора с магическим садом обращается в руины.

Третий акт начинается в Страстную пятницу много лет спустя. Усталый запыленный воин, облаченный в черные доспехи, вступает на земли Монсальвата, где в хижине живет Гурнеманц. Воин снимает шлем, ставит копьё у ближайшего камня и встает на колени в пламенной молитве. Гурнеманц вместе с Кундри, которую он только что разбудил от сна, подходит и узнает в воине Парсифаля и священное копьё. Вне себя от радости, он зовет его войти, расспрашивая, откуда тот явился.

То же самое он спрашивал и в первый приход Парсифаля, на что тот отвечал: «Не знаю». Но в этот раз все иначе, и Парсифаль отвечает: «Блуждая и терпя страдания, шел я». Его первое появление символизирует один из первых проблесков реальности, которые душа получает от высшей жизни, но второе появление – это сознательное достижение более высокого уровня духовной активности человеком, который развивался, терпя скорбь и страдание. Парсифаль рассказал, как часто он бывал окружен врагами и понуждался применить копьё, чтобы спастись. И всякий раз он отказывался сражаться, ибо священное копьё – орудие целительное, а не разящее. Копьё символизирует духовную силу, которая нисходит в чистое сердце и в чистую жизнь и *должна использоваться лишь в бескорыстных целях*; **66]** нечистота и страсть приводят к ее потере, как это случилось с Амфортасом. Человек, обладающий этой силой, может при случае накормить пять

тысяч голодных, но не может даже один камешек обратить в хлеб для утоления своего голода. Он может использовать эту силу, чтобы остановить кровь, хлещущую из раны в ухе воина, берущего его в плен, но не станет применять ее для остановки крови, текущей из раны в своем боку. О таких говорят: «Других спасал, себя же спасти не может (или не хочет)».

Парсифаль и Гурнеманц идут в замок Грааля, где Амфортаса вновь упрашивают исполнить священный ритуал, а он вновь отказывается, боясь разбередить рану при видении Святого Грааля. Обнажив грудь, он призывает своих слуг убить его. В этот момент входит Парсифаль и касается его раны копьем, заживляя ее. Он сменяет Амфортаса на посту Хранителя Святого Грааля и Священного Копья. Только самые бескорыстные и различающие способны обладать духовной силой, символизируемой копьем. Амфортас хотел использовать его для войны и поражения врага. Парсифаль не использовал его даже для самозащиты. *Поэтому он способен исцелять*, в то время как Амфортас угодил в ту же яму, которую готовил Клингзору.

В последнем действии Кундри, олицетворяющая низшую природу, произносит лишь одно слово: *Служение*. Она помогает Парсифалю, Духу, достичь цели благодаря ее совершенному служению. В первом акте она отправляется *спать*, когда Парсифаль посещает Грааль. На той стадии Дух не мог достигать 67] небес, пока тело не уснуло или не умерло. Но в последнем акте Кундри, тело, идет в замок Грааля вместе с Парсифалем, ибо оно посвятило себя высшему служению, и, когда Дух, Парсифаль, достиг своей цели, он обрел освобождение, о котором в Откровении сказано: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон» (Откр., 3:12). Такой человек будет работать во имя человечества в высших мирах; ему больше не нужно физическое тело; он выходит за пределы действия закона Возрождения, и потому Кундри умирает.

Оливер Уэнделл Холмс в прекрасном стихотворении «Заклоченный моллюск» воплотил идею неизменного продвижения по пути постепенного совершенствования проводников и окончательного освобождения. Моллюск строит свою спиральную раковину по частям, постоянно покидая меньшую, которую он перерос, и перебираясь в ту, что построена последней.

Вершит за годом год свой молчаливый труд,
Виток сводя к витку,
Растет спираль;
Когда из прежнего уйти пора жилья,
Его он оставляет не спеша,
Задельвает дверь
И новый строит дом, а к старому возврата больше нет.

Ты весть небесную принёс, благодарю тебя,
Волн плещущих дитя, **68]**
На берег выброшен,
Ты, мертвый странник, чище звук несешь,
Чем рог витой Тритона издает!
Я на него смотрел,
И песнь рождалась в глубине моей:

Строй выше и честней, душа моя,
Пока бегут года!
Низины прошлого не медли оставлять.
Пусть каждый новый благородный храм
Просторней будет, ближе к небесам!
Свободу так найдешь,
Скорлупы сбросишь, в жизни глубь войдешь!

КОЛЬЦО НИБЕЛУНГА

Глава VIII Дочери Рейна

Повторение – это ключевая нота жизненного тела, квинтэссенцией которого становится интеллектуальная душа, служащая пищей Жизненного Духа, истинного Христова принципа в человеке. Поскольку специфической задачей западного мира является развитие Христова принципа, формирование Христа внутри, чтобы он мог воссиять сквозь материальную тьму настоящего времени, повторение идей совершенно необходимо. И бессознательно весь мир подчиняется этому закону.

Когда газеты начинают настойчиво внушать определенные представления общественному сознанию, вряд ли следует ожидать эффекта от одной-единственной передовицы, как бы сильно она ни была написана. Только ежедневно выходящие статьи создадут в обществе желаемое ощущение. Библия проповедовала принцип любви две тысячи лет, воскресенье за воскресеньем, день за днем, с сотен тысяч кафедр. Война пока что не запрещена, но жажда всеобщего мира становится со временем все сильнее. Эти проповеди оказывали 72] очень слабое воздействие на мир в целом, хотя отдельная аудитория и могла время от времени ими вдохновляться; дело в том, что тело желаний – та часть составного человека, которая все еще находится в становлении.

Тело желаний – более позднее приобретение, нежели жизненное тело, оно не столь кристаллизовано и потому более впечатлительно. Имея более тонкую фактуру по сравнению с жизненным телом, оно менее цепко: эмоции

рассеиваются столь же легко, как и возбуждаются. Идеи и идеалы, проникшие сквозь аурическую оболочку, оказывают на жизненное тело очень слабое воздействие, но то, что оно получает в процессе изучения, слушания проповедей и лекций или чтения книг, имеет более устойчивую природу, поскольку множество импульсов одного характера создают впечатления (благоприятные или нет) достаточно сильные.

Чтобы воспользоваться этим законом накопления воздействий, мы предпримем изучение других великих мифов о душе, освещающих тайну жизни под другим углом. Благодаря им можно лучше понять, откуда мы пришли, почему мы здесь и куда мы направляемся.

Как уже говорилось, все мифы проводят духовные истины, скрытые в форме аллегории под символами и картинками. Поэтому их восприятие возможно без участия рассудка. Как сказки служат средством просвещения детей, так и великие мифы использовались для доведения духовной истины до младенческого человечества.

Групповые Духи работают с животными через их тела желаний, вызывая в них картины, которые дают **73]** животному чувство и представление о том, что нужно делать. Аналогично и аллегорические картины, содержащиеся в мифах, закладывают в человеке основание для его настоящего и будущего развития. Подсознательно эти мифы веками действовали в человеке, доведя его до нынешней стадии развития. Без этой подготовки он был бы не способен выполнять ту работу, которую делает сейчас.

Эти мифы действенны и сегодня, готовя нас к будущему, и некоторые из них сейчас более впечатляющи, чем другие. Путь, которым следуют империи и цивилизация, совпадает с движением Солнца с востока на запад, поэтому из эфирной атмосферы тихоокеанского побережья эти мифические картины почти улетучились, и человек здесь контактирует с духовными реалиями более непосредственно. Дальше на востоке, особенно в Европе,

мы все еще находим атмосферу мистицизма, осеняющую эту землю. Здесь люди любят древние сказания, повествующие им то, что недоступно восприятию жителя Запада. Душевная жизнь людей, обитающих среди фьордов и фьельдов Норвегии, вересковых пустошей Шотландии, дремучих лесов немецкого Шварцвальда и альпийских ледников, столь же глубока в мистическом отношении, как и тысячи лет назад. Эти люди посредством чувства находятся в более тесном соприкосновении с Духами Природы и прочими сказочными персонажами, чем те из нас, кто ушел вперед по пути устремления благодаря прямому знанию. Если вспомнить это чувство и совместить его с нашим знанием, можно сделать огромный шаг вперед. Поэтому давайте попробуем впитать суть одной из глубочайших мистических историй 74] прошлого, миф о Кольце Нибелунга, великую эпическую поэму северной Европы. В ней рассказывается история человека со времен нашего обитания в Атлантиде до конца нынешней цивилизации в результате великой войны и установления Царства Небесного, как предсказано в Библии.

Библия повествует нам об Эдемском саде, где наши прародители обитали в непосредственной близости от Бога, чистые и невинные, как дети. Это состояние было нарушено, и в мир пришли скорбь, грех и смерть. В древних мифах, подобных сказанию о Кольце Нибелунга, тоже говорится об изначально детски невинном состоянии рода человеческого. Первая сцена драмы Вагнера представляет жизнь на водах Рейна, в которых плавают и резвятся дочери Рейна. Их ритмические движения, песни, льющиеся с их губ, вторят танцу речных волн. Воды освещаются из глубины огромным золотым светильником, вокруг которого дочери Рейна движутся подобно тому, как планеты вращаются вокруг Солнца в центре. Здесь мы видим микрокосмическую копию макрокосма, в котором небесные тела движутся вокруг центрального источника света в величественном хороводе.

Рейнские девы символизируют первобытное человечество времен обитания на дне океана в плотной, туманной атмосфере Атлантиды. Сверкающее золото, освещающее сцену подобно Солнцу, освещающему свою систему, представляет Универсальный Дух, осеняющий человечество. Тогда мы не видели объекты в четких, резких очертаниях, **75]** как сегодня, но наше внутреннее восприятие душевных качеств других было намного острее, чем теперь.

Индивидуальный Дух ощущает себя как Эго и называет себя «Я», резко противопоставляясь другим, но этот разделяющий принцип еще не вошел в детское сознание людей времен ранней Атлантиды. У нас тогда не было чувства «я» и «ты»; мы чувствовали себя одной большой семьей, детьми божественного Отца. Мы не беспокоились о том, что будем есть и пить, как это делают нынешние люди, обремененные материальными заботами жизни. Время для нас было одной большой веселой игрой.

Но это состояние не могло продолжаться вечно, ибо тогда не было бы эволюции. Дитя вырастает, чтобы стать мужчиной или женщиной и принять участие в жизненной битве. Так и первобытному человечеству было суждено оставить родной дом в океанических глубинах и выйти из вод Атлантиды, когда они сконденсировались и затопили земные низины. Развивающееся человечество обрело более воздушную атмосферу, в которой мы и живем ныне. Об этом исходе рассказывается как о переходе израильтян через Красное море или как об оставлении Ноем родной земли, когда потоп затопил ее.

Скандинавский миф повествует нам о том же по-иному, но, хотя это видение и отличается от библейского, главные моменты передают те же сущностные идеи. В Эдемском саду наши прародители не думали сами за себя. Они безропотно **76]** подчинялись указаниям своих божественных водителей и были гораздо послушнее малых детей, так как не имели никакого чувства «я». У них не

было индивидуальности. Согласно библейскому изложению индивидуальность появилась, когда Люцифер внушил людям идею о том, что они могут стать как боги, если познают добро и зло.

В германском мифе нам рассказывается о том, что Альберих, один из сыновей тумана (*Нибель* – туман, *унг* – дитя, ведь люди тогда жили в туманной атмосфере Атлантиды), возжаждал золота, сияющего в Рейне. Он прослышал, что тот, кто добудет золото и скует из него кольцо, сможет покорить мир и повелевать всеми, кто не обладает таким сокровищем. Итак, он донырнул до огромной скалы, на которой покоилось золото, похитил его и быстро вынырнул на поверхность, преследуемый дочерьми Рейна, которые пришли в великое беспокойство, лишившись своего сокровища.

Когда Альберих, похититель, достиг поверхности вод, он услышал голос, который сказал ему, что никто не может обратить золото в кольцо, чтобы повелевать миром, не отрекшись от любви. Он отрекся незамедлительно и начал грабить Землю, лишая ее богатств и удовлетворяя свою жажду богатства и власти.

Как уже говорилось, золото в своем бесформенном состоянии, покоящееся на рейнской скале, представляет Универсальный Дух, не являющийся исключительной собственностью кого бы то ни было, а Альберих олицетворяет тех первопроходцев среди 77] людей, которые побуждались желанием покорить новые миры. Вначале они были одушевлены внутрисущим Духом и переселились из низин Земли на ее вершины. Но, оказавшись в ясной атмосфере Арианы (мира, который мы знаем), они четко увидели самих себя как отдельных сущностей. Каждый из них понял, что его интересы отличаются от интересов остальных; что для того чтобы преуспеть и владеть миром, нужно отделиться и преследовать свои интересы, невзирая на других. Так Дух оковал себя кольцом, и все внутри этого кольца стало

«мною» и «моим»), и такое представление сделало людей антагонистами. Поэтому, чтобы сделать такое кольцо и удерживать отдельный центр, было необходимо отречься от любви. Так, и только так, смог Нибелунг пренебречь интересами других, чтобы благоденствовать за счет других и владеть миром.

Но Альберих был не одинок в своем желании «окольцевать» себя для обретения могущества. «Как вверху, так и внизу» и наоборот, гласит герметическая аксиома. Боги тоже развиваются. Они тоже стремятся к могуществу – одержимы желанием окольцевать себя, ибо на небесах идет та же война, что и на земле. Различные культы стремятся овладеть душами людей, и их ограничения символизируются кольцами.

78]

Глава IX **Кольцо богов**

Присвоив часть рейнского золота, представляющего Универсальный Дух, и оформив его в виде кольца, что символизирует факт безначальности и бесконечности Духа, Это начало свое существование как отдельная сущность. В пределах своего аурического кольца оно – верховный правитель, самодостаточный, резко реагирующий на вторжение в его владения. Но так оно лишило себя братства. Подобно блудному сыну, оно далеко ушло от Отца, но еще задолго до того как оно осознало, что питается шелухой материи, в дело вмешалась религия, чтобы вернуть его назад в его извечный дом, освободить от иллюзии и заблуждения, присущих материальному существованию, выкупить у смерти, неизбежной для фазы плотного воплощения, и указать ему путь к истине и вечной жизни.

В германском мифе стражи религии представлены в виде богов. Главный из них – Вотан, тождественный латинскому Меркурию; в честь его названа среда, день

Вотана, Wotans-day или Wednes-day. Фрейя, 79] скандинавская Венера – богиня красоты, кормящая остальных богов золотыми яблоками, сохраняющими им молодость. Ее день – пятница, Fri-day. Тор, Юпитер скандинавов, правит своей небесной колесницей, грохот от которой слышится как гром, а искры, вылетающие из-под его молота, которым он обрушивается на врагов, видны как молнии. Логе – имя божества субботы (Lor-day в скандинавских языках, производное от *lue*, скандинавского названия пламени). В действительности оно принадлежит скорее не к богам, а к великанам, или силам природы. Его пламя – не только физический огонь, но и символ иллюзии, а само оно – дух обмана, иногда принимающий сторону богов и предающий великанов, а иногда обманывающий богов и помогающий великанам в выполнении их планов. Подобно Люциферу, огненному Духу Марса, он тоже является духом отрицания, но, кроме того, наслаждается, ограничивая проявления жизни, как это делает холодный Сатурн.

В северной мифологии есть упоминание об еще более раннем культе, прославлявшем божеств воды. Боги, о которых мы рассказали, вытеснили водных богов и, как говорят, восседают с тех пор на радужном мосту, Бифросте. Отсюда следует, что эта религия датируется самой зарей нынешней эпохи, когда человечество еще только поднялось из вод Атлантиды в ясную атмосферу Арианы (в которой мы ныне живем), туда, где оно впервые узрело радугу.

Ною, спасавшему первобытное человечество от потопа, было сказано, что, пока среди облаков пребудет радуга, 80] это будет знаком того, что сохранятся и сменяющиеся циклы лета и зимы, ночи и дня. Скандинавский миф тоже утверждает, что в начале нашей эпохи боги собрались на радужном мосту. Радуга и боги на ней пребудут, пока не завершится эта фаза нашей эволюции. Описание данного события тождественно описанию христианского Апокалипсиса, сущность которого скандинавский миф значительно проясняет.

Истина всеобща и безлична. Она не знает ограничений, но, когда Эго облекается в кольцо отдельных проводников, отделяющих его от других, оно само делает себя неспособным понимать абсолютную истину. Поэтому религия, воплощающая полноту чистой истины, стала непостижимой для рода человеческого и бесполезной для него. Ребенок ходит в школу и усваивает в первые годы элементарные уроки, чтобы подготовиться к испытаниям более сложным. Так и человечеству давались религии самого примитивного характера, чтобы подготовить его к более высокому уровню постижения.

Поэтому хранители религии, боги, стали представляться жаждащими выстраивать крепости и укрываться за их стенами для накопления сил против других верований. Дух не может быть ограничен, не окутав себя материей; поэтому боги, по совету Логе, духа обмана и заблуждения, заключили договор с великанами, Фафнером и Фазольтом (олицетворяющими эгоизм), на строительство ограничительной стены. Когда же эта стена **81]** окружила богов, они потеряли универсальный свет и знание. Поэтому миф повествует нам, что частью оплаты строителям Валгаллы стали Солнце и Луна.

Более того, когда религия сокрыла себя за стеной веры, дух разложения проник в нее и она стала пользоваться древностью как прикрытием; говорят также, что Вотан (разум, или рассудок) согласился отдать великанам Фрейю, богиню красоты, кормящую богов золотыми омолаживающими яблоками. Так, послушав совета Логе, духа обмана, боги пожертвовали своими светом, знанием и надеждой ради вечной молодости. Но, как уже говорилось, это было отчасти необходимо, ибо человечество не могло тогда уловить истину в ее полноте; не можем мы понять ее и поныне.

Духовное могущество религии символизируется в Библии магическим жезлом Аарона, в мифе о Граале – волшебным копьём Парсифаля, в истории о Нибелунге –

копьем Вотана. Для скрепления договора с великанами магические подписи были начертаны концом копья, которое таким образом оказалось ослабленным. Это показывает, что религия утрачивает духовную власть, а материальные пути крепнут, когда заключается сделка с сильными мира сего и их пособниками в угоду низшим наклонностям.

Согласно учению древних скандинавов, только умершие в бою удаивались **82]** Валгаллы. Вотан хочет видеть только сильных, могучих воинов. Те, кто умер от болезни или старости у себя в постели, низвергаются в ад, преисподнюю. И в этом тоже заключен великий урок, ибо никто, кроме благородных и бесстрашных воителей, проведших свои дни в жизненных сражениях *до самого последнего вздоха*, не достоин продвижения. Лентяи, любящие легкое и спокойное существование больше, чем работу в этом мире, не достойны поощрения в школе жизни. Где бы мы ни трудились, какой бы жизненный опыт ни наработывали, мы должны усердно сражаться с проблемами жизни, появляющимися перед нами. Года-двух стараний с последующей успокоенностью будет недостаточно; нам нужно продолжать трудиться и бороться, пока день жизни не подойдет к своему концу.

Так древняя скандинавская религия учит тому же, чему учил апостол Павел, советовавший проявлять «постоянство в добром деле» (Рим., 2:7). Даже осознав, что нам недоступна вся истина, что мы ограничены отделенностью, эгоизмом, символизируемым Кольцом Нибелунга, и верой с ее религиозными условностями, символизируемыми Кольцом Богов, все равно мы способны наполнить свою уединенную нишу лучшими трудами и устремлениями. И тогда мы достойны продвижения, пусть лишь в будущем. Со временем мы сможем отчетливее видеть сквозь вуаль эгоизма, если станем с готовностью проживать свою жизнь там, куда поместила нас судьба, ибо Ангелы-регистраторы не совершают ошибок. Они поместили нас именно на наше

место, чтобы **83]** мы усвоили определенные уроки для подготовки к более широкому служению.

Из всего того, что было сказано, очевидно, что состояние привязанности к определенному верованию, порождаемому различными церквями, настаивающими на догме и ритуале, – не неизбежное зло, как может показаться многим, а в действительности должная забота и необходимый выход из ограничений, присущих материальному существованию, через которое человеческий Дух ныне проходит. Вера включает столько истины, сколько данный класс Духов может воспринять на нынешнем этапе. Никто не забыт и не потерян, ведь если в Боге мы живем, движемся и существуем, потеря даже одной единицы совершенно немыслима.

Но пока подавляющая часть человечества находится на попечительстве ортодоксальных религий, всегда находятся первопроходцы, чья интуиция предрекает большие, неведомые высоты, первопроходцы, видящие солнечный свет истины сквозь стену веры. Их души томятся шелухой догм, они страстно жаждут яблок молодости и любви, проданных богами великанам. Даже боги быстро стареют, ведь ни одна религия, лишенная любви, не может надеяться удержать человечество сколь-нибудь долгое время. Поэтому боги и были вынуждены искать совета у Логе, духа обмана, в надежде с помощью его хитрости разрешить дилемму. Логе рассказывает им, как Альбериху, Нибелунгу, **84]** удалось обрести сокровище, поработив своих братьев. С согласия богов он хитростью заставляет Альбериха отдать все свои сокровища. Затем Логе играет на жадности великанов, и в итоге ему удается освободить Фрейю.

Так проклятие Кольца (эгоизм и себялюбие) запятнало даже богов. Ради Кольца (власти) Альберих, Нибелунг, отверг любовь. Он притеснял своих братьев и правил ими железной рукой. Религия, со своей стороны, отеклась от любви, продав Фрейю. Религия пошла на обман, чтобы

заставить сильных мира сего платить дань, и, когда Кольцо Нибелунгов перешло в руки великанов, оно унаследовало злую судьбу, ибо брат пошел на брата ради единоличного обладания богатствами мира.

Боги вернули Фрейю, но она уже не была богиней чистой любви. Ее использовали; поэтому она стала бледной тенью самой себя в прошлом и ей уже не удавалось вознаградить тех, чья интуиция проникала глубже поверхности; таких в скандинавском мифе называют Вельзунгами. Первый слог этого имени происходит от немецкого *wählen*, *выбирать*, или от скандинавского *vaelge*. Второй слог означает *дети*. Это дети желания, свободной воли и выбора, жаждущие выбрать собственный путь и стремящиеся следовать своему собственному божественному инстинкту.

85]

Глава X Валькирия

«Валькирия» – это название второй части великой музыкальной драмы Вагнера, основанной на скандинавском мифе о Нибелунгах, как назывались дети Вотана. Другое их имя – Вельзунги.

Уместность такого имени сразу становится очевидной, как только мы понимаем, что миссия валькирии – отправляться на битву, даже если это схватка всего двух человек, снимать убитых с коней и переносить их в Валгаллу. Поэтому место сражения или схватки именовалось Вальплац – место, где бог Вотан избирал героев, павших в бою за правду (как они ее понимали), себе в спутники в царстве блаженства (каким они себе его представляли). Брунгильда, дух истины, была поэтому главной среди валькирий, предводительницей своих сестер – других добродетелей. Она была любимой дочерью бога Вотана.

Но когда боги ограничили себя и сокрыли всеобщность истины за Кольцом веры **86]** и догмы, символизируемом Валгаллой, Вельзунги, которые были прежде всего истинными искателями, восстали. Они не раз появляются в скандинавских мифах, и всегда корень их имени *Зиг*. Это германское слово означает *победа*, что очень точно отражало их суть, ведь истина, сколько бы ни чинили ей препятствий, в конце концов всегда побеждает.

Мужественный Зигмунд, побуждаемый искать правду невзирая на последствия, мог погибнуть из-за своей смелости (историю его мы изложим чуть ниже). Зиглинда, его сестра, а позднее жена, испытывавшая то же внутреннее побуждение, но не осмеливавшаяся открыто следовать ему, умирала в отчаянии. Она передала свою жажду истины своему отпрыску Зигфриду, который, одержав победу, достиг мира. Поэтому то, что не удалось одному

поколению искателей, будет достигнуто их потомками, и в итоге истина восторжествует над верой.

Мы пользуемся благоприятным моментом, излагая намеки на события, которые раскрываются перед нами в форме прекрасного сказания, и не можем отделаться от повторения вновь и вновь известного выражения: «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло» (1Кор., 13:12). Но наступает время, когда сквозь стены и ограничения физического существования, окружающего нас во всех направлениях, мы будем видеть «и знать, подобно тому, как мы познаны».

Когда Зигмунд, побуждаемый неодолимым желанием истины, оставляет Валгаллу, Вотан приходит в ярость и, чтобы вернуть назад независимый дух 87] Вельзунга, назначает свадьбу Зиглинды и Хундинга, духа соглашения. От безысходности она сдается, ибо не имеет мужества сделать то, на что решился ее брат. Поэтому она олицетворяет тех, кто, будучи бунтарями в глубине души, подчиняются условностям мира и боятся радикально отступить от установленных церковных норм. Они боятся того, что люди скажут о них. Несмотря на бурную внутреннюю жизнь, они продолжают нести ярмо соглашательства и регулярно ходить в церковь для соблюдения приличий.

С течением времени Зигмунду удастся посетить дом Хундинга и отыскать свою сестру, которую он поначалу не узнал. Он предлагает ей бежать с ним. Оба они знают, что такое их действие и бунт против Хундинга, духа соглашения, не будут одобрены богами, и, чтобы вооружиться для будущей битвы, которая, как они знают, им предстоит, они берут с собой волшебный меч Нотунг. *Нот* – это нужда или беда, а *унг*, как мы уже видели, – это дитя. Так что меч этот – дитя нужды, мужества отчаяния. Он по самую рукоять был воткнут в Иггдрозил не кем иным, как самим Вотаном, как раз для такого крайнего случая. Чтобы в точности понять красоту этого символа и

кажущееся парадоксальным поведение Вотана, нам следует пояснить значение **88]** Иггдразила, Мирового Ясеня, дерева жизни и бытия, как это объясняет скандинавская мифология.

Согласно представлениям древних скандинавов, это чудесное дерево, растущее на земле, достигает неба. Один из его корней пребывает в преисподней у Хел, жуткой колдуньи, правящей теми, кто умер от болезни и потому не был удостоен обитать с Вотаном в Валгалле. Это ленивые люди, которые пренебрегли тем, чтобы биться в жизненной битве до последнего. У Хел трое детей, очень похожих на нее и вечно сражающихся с богами, отстаивающими благоденствие людей. Эти трое – символы стихий, создающих материальный мир, где правит лишь смерть. Один из них зовется змей Мидгард, огромное чудовище, обвивающее всю Землю и кусающее собственный хвост. Другой – волк Фенрис, тощий и сильный, и никто не может противостоять ему: он символизирует атмосферу вокруг Земли и вольные ветры. Логе, с которым мы уже познакомились, – это дух огня, обмана и иллюзии. У другого корня Иггдразила обитают Великаны Мороза и хаоса, из которого произошла вся вселенная. Третий корень принадлежит богам.

Под корнем, находящимся в преисподней, лежит, грызя его, Змей Нидхогг. Это дух зависти и злобы, губитель добра; *нид* означает зависть, а *хог* – ужас. Поскольку Иггдразил, дерево жизни в проявлении, живо любовью, зависть и злоба должны пытаться повалить дерево, убить его. **89]** Но под корнем богов находится источник Урд, из которого три Норны, богини судьбы, черпают воду жизни (духовный импульс), которой поливают дерево, благодаря чему его листья сохраняются свежими и зелеными. Имена трех НORN: Урд, Скульд и Верданд. Имя *Урд* происходит от германского *ур* – прошлое, изначальное, чистое, или девственное, состояние человека и вселенной. Урд крутит свое прядильное колесо и тклет нить судьбы, создаваемой нами в прошлом. Имя *Скульд* означает долг. Так зовут

вторую Норну, олицетворяющую настоящее. Ей Урд передает нить судьбы из прошлых жизней, которые мы должны искупить в нынешнем воплощении. Затем нить передается Верданд, третьей Норне, имя которой происходит от *werdende* – германского слова *становиться*. Она символизирует будущее, и, когда часть нити судьбы, соответствующей долгу, оплачиваемому в настоящем, вручается ей, она рвет ее на кусочки. Вся эта удивительная символика доводит до нас тот факт, что, если причины, созданные в прошлых жизнях, исчерпались в следствиях жизни нынешней, долг вычеркивается на все времена.

Северные мифы повествуют далее, что помимо этих трех главных Норн есть и многие другие. К каждому младенцу приставляется одна из них, которая следит за его судьбой. Рассказывают, что Норны, или Фатумы, действуют не по своей воле, а подчиняются диктату невидимого Орлога. Это имя – сочетание искаженного слова *ур*, означающего изначальный, и слова *лог* – закон. То есть в символическом учении древних скандинавов Норны **90]** не слуги богов, и наша судьба управляется не капризом, а неизменным законом Природы – законом Причины и Следствий.

Под третьим корнем, у которого обитают Великаны Мороза, находится колодец Миме. Великаны Мороза, или силы природы, существовали еще до образования Земли. Они содействовали ее формированию и знают многое, что скрыто от богов. Поэтому даже Вотан, бог мудрости, имел обыкновение наведываться к колодцу Миме, чтобы, испив из него, получить знание прошлого. Приходилось ему пить и из источника Урд, чтобы обновить свою жизнь.

Таким образом, мы видим, что Иерархии, помогающие нам развиваться, сами существуют для того, чтобы учиться. Раз они учатся, то способны и ошибаться, потому-то Вотан, глава богов, и поместил меч Нотунг – мужество отчаяния – так, чтобы в крайнем случае жертва ошибки Вотана могла им воспользоваться и защитить себя. Многое еще можно

рассказать о мировом ясене Иггдразиле, но для наших целей учащемуся достаточно информации, чтобы понять отношение этого меча к излагаемым событиям.

Когда Зигмунд и Зиглинда, вооружившись волшебным мечом – мужеством отчаяния, оставляют дом Хундинга, духа соглашения, чтобы искать истину в необозримом мире, разъяренный Хундинг уже не нуждается в понуканиях Вотана, преследуя их и желая убить. Вотан призывает валькирию Брунгильду, чтобы она незримо 91] присутствовала на предстоящей битве и сражалась на стороне Хундинга, духа соглашательства. Но дух истины не может биться против искателя истины, и потому Брунгильда с горечью отказывается исполнить приказ Вотана. Когда Зигмунд сходит с Хундингом в смертельной схватке и близок к тому, чтобы победить его, Вотан подставляет свое копьё, о которое разбивается меч Нотунг, и беззащитный Зигмунд падает, убитый ударом Хундинга.

Истина всегда стоит на стороне искателя в его битве против условностей церкви и общественных предрассудков. Но когда сила истинной религии, вооруженная мужеством отчаяния для защиты своих убеждений, восстает против власти веры, символизируемой копьём Вотана, многие искренние души падают побежденными, но не сломленными. Зигмунд умер, и Зиглинда последовала за ним в могилу с разбитым сердцем после того, как с помощью Брунгильды родила Зигфрида, победителя. Ибо, как уже говорилось, жажда истины, однажды испытанная, не может быть подавлена, пока не достигнет удовлетворения.

Тем временем Вотан, который не в силах покинуть пределы Валгаллы, Кольца Веры, вынужден отпустить Брунгильду, духа истины, отказавшуюся ему повиноваться. Вера деспотична и не терпит возражений. Но поскольку всем религиям присущ дух любви и искреннего желания способствовать благоденствию и подъему человечества,

Вотан испытывает сокрушительную скорбь при необходимости следовать тому, что он начал делать, **92]** и отвергать душераздирающие просьбы Брунгильды. Тяжко ужитья рядом с истиной; оба чувствуют невыразимые муки, и Вотан, связанный необходимостью поддерживать простую веру, погружает Брунгильду в сон, говоря: «Невесту взять сможет лишь тот, кто свободней, чем бог, твой отец!»

И в этих словах он раскрывает главное требование к ищущему истину. «Тот, кто не оставил отца своего и мать свою, – сказал Христос, – не может стать учеником моим». Все ограничения должны быть отмечены прочь, если мы хотим надеяться обрести истину.

93]

Глава XI

Зигфрид, искатель истины

Мы видели: для того чтобы уловить истину, необходимо оставить в стороне все ограничения, связанные с религией, семьей, окружением и прочими замедляющими движение формами. Но есть еще большее требование, которое нужно усвоить прежде всего. Мы привязываемся к своей религии, друзьям и семье из-за страха одиночества. Мы подчиняемся условностям, поскольку боимся следовать велениям внутреннего голоса, побуждающего нас идти вперед, к более высоким вершинам, непостижимым для большинства. Поэтому на самом деле именно страх – главное препятствие, закрывающее нам дорогу к истине и лишшающее нас жизни в ней.

Вот как это отражено в мифе о Кольце Нибелунга. Вотан погрузил Брунгильду, духа истины, в сон, поскольку боялся утратить свою власть в случае ее прощения, после того как она воспротивилась его ограничениям и отказалась защищать Хундинга, духа соглашения. Вотан с печалью

огласил свой приговор, сказав, что ей суждено оставаться во сне, пока кто-нибудь более свободный, чем бог, то есть он сам, не пробудит ее. «Совершенная любовь отменяет всякий страх», и только бесстрашный свободен любить и жить в истине. Поэтому Брунгильду оставили **94]** покоиться на одинокой скале, и вокруг нее все время горело кольцо огня, зажженного Логе, духом обмана. Никто, кроме свободной и бесстрашной души, не мог даже надеяться проникнуть через этот круг, порождающий галлюцинации (условности), и жить любовью к пробужденному духу истины, вечно прекрасному и юному.

На этом кончается вторая часть мистической драмы: истина в заточении, торжествует условность. На Земле твердо воцарилась слепая вера. Зигмунд, искатель истины, лежит бездыханный. Его сестра и жена Зиглинда также заплатила жизнью за этот поиск. Кажется, Брунгильда уснула навеки. Остался лишь один из Вельзунгов, сирота Зигфрид, оставленный в пещере у Миме, Нибелунга, своей умирающей матерью Зиглиндой.

Но вот мальчик вырос в юного силача, обладающего силой великана. Прекрасный как бог, он странно контрастирует с Миме, уродливым Нибелунгом, карликом, заявляющим, что он – его отец. Зигфрид едва ли в это верит, ведь глядя вокруг, он видит, что все звери и птицы в лесу ходят на своих родителей, лишь он один отличается от того, кто называет себя его отцом.

Отличаясь непомерной силой, он хватает медведя и приводит его в пещеру Миме, который почти парализован от страха, чувства, абсолютно незнакомого Зигфриду. Миме, искуснейший **95]** кузнец среди Нибелунгов, кует один за другим мечи для юного великана, но все они сокрушаются в его могучей руке. Миме очень старался сделать второй Нотунг, дитя нужды, меч, который был сломан копьём Вотана в смертельном бою между Зигмундом и Хундингом. Обломки этого меча принесла в пещеру Миме Зиглинда, но *никто с душой труса* не мог

отковать Нотунг, оружие отчаяния. Поэтому, как бы ни был искусен Миме, его замысел был обречен на неудачу. Однажды, когда Зигфрид посмеивался над его неспособностью изготовить меч, Миме бросил ему обломки Нотунга и сказал, что, если Зигфрид сумеет отковать его, он хорошо ему послужит. Обладая главным качеством искателя истины, бесстрашием, Зигфрид, несмотря на неумение, делает то, что не удавалось Миме. Он заново выковывает волшебный меч и готовится к поиску истины и знания.

Столетия миновали с тех пор, как Альберих, Нибелунг, был вынужден расстаться с Кольцом, платя выкуп богам. Но никто из его племени не забыл, какую силу сообщает Кольцо своему владельцу. И стремление вернуть сокровище живет среди Нибелунгов. Ибо человечество, будучи искони духовным и свободным, никогда не примирится с утратой индивидуальности, навязанной правлением церкви. И хотя, подобно Миме, люди могут парализовываться неподконтрольным страхом, хотя они могут раболепствовать и угодничать перед **96]** высшими силами, как Альберих перед Вотаном, они всегда, сознательно или бессознательно, помнят о своем духовном наследии и стремятся восстановить свой статус свободных деятелей, не связанных слепой верой и другими ограничениями.

С этой целью Нибелунг составил и осуществляет хитроумный план. Он помогает Зигфриду изготовить новый меч из обломков того, что был разбит Вотаном. Он видит, что юный искатель истины бесстрашен. Миме знает, что на его сокровище, обратившись в громадного ужасного дракона, спит Фафнер, один из великанов, получивших Кольцо от богов. Вряд ли возможно победить его, но если это случится, то победителем может быть только Зигфрид, бесстрашный молодой великан. Было предсказано, что только обладатель Нотунга способен на это, и Миме верит, что, если Зигфрид убьет дракона, он, Миме, сможет

заполучить сокровище, Кольцо Нибелунга, и стать властителем мира.

В этой истории скрыт глубочайший духовный смысл. Дело в том, что низшая природа пытается использовать высшее «Я» для своих низменных целей. Зигфрид (тот, кто, победив, обретает мир) – это высшее «Я» на стадии странствия, оставленное в одиночестве, без друзей и родных, видящее, что плотское тело, символизируемое Миме, не является его частью, а принадлежит совсем другой расе и другому племени. Ему предстоит искать истину, продолжив попытки, начатые им 97] в предыдущих жизнях (Зигмунд и Зиглинда), из которых он унаследовал отчаянное мужество, не знающее страха и поражения.

И хотя ищущая душа может уйти от мира, как это сделала Херцлейде, мать Парсифаля, давшая жизнь своему сыну в густом лесу, как это сделала Зиглинда, произведшая на свет свое дитя, Зигфрида, в пещере Миме, низшая природа все равно продолжает строить планы, как использовать духовную силу для мирских целей. Увы! сколь многие покинули церковь, отчаявшись обрести веру. Так и Зигмунд покинул Вотана. Многие отчасти обрели высшее знание и злоупотребили им, обратив свои способности в гипнотизм и внушение, чтобы добыть себе мирские блага, приковывающие к Земле, а не небесные сокровища, освобождающие душу.

Не было еще на Земле века, кроме нашего, в котором столь явно повторялся бы сценарий этого древнего мифа. Тысячи людей, словно доктор Джекил и мистер Хайд, содержат в себе и Зигфрида, и Миме. Они поднялись до больших или меньших высот духа, осознав свою божественную природу и высшие атрибуты, как это сделал Зигфрид, но низшая часть их натуры, Миме, продолжает строить планы материального преуспеяния.

И если мы хотим таким образом использовать божественные способности, будучи христианами или имея другую веру, нам не постичь науки души. Следует честно

признать, что Тот, кому негде было преклонить свою голову, Тот, кто был полным воплощением 98] привлекающей Христовой силы, отказался использовать эту силу себе на благо. Даже перед лицом смерти Он не пошел на это. О нем говорили: других спасал, а себя спасти не смог. Так оно и есть, потому что закон Жертвы выше, чем закон Самосохранения: «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк., 8:36).

Как только мы искренне становимся на путь, низшая природа обречена, несмотря на все хитроумные попытки спасти себя. И когда Миме строит планы послать Зигфрида против дракона Фафнера, духа желания, он, по сути, подписывает себе приговор. Ведь если наша душа победила желание обладать мирскими сокровищами, мы умираем для мира, хотя можем жить в нем и исполнять для него свою часть работы. Тогда мы в мире, но не от мира.

Ведомый Миме, Зигфрид находит великана Фафнера, охраняющего пещеру, где спрятано сокровище Нибелунгов. Низшая природа всегда стремится побудить высшую искать материальных богатств, чтобы обрести положение и власть в обществе. Увы, исключений тут почти не бывает, желание и жажда богатства и власти всегда стремятся выйти на первый план! Все мы подобны Миме, готовому рискнуть нашими жизнями ради золота. И хотя Миме дрожит от одной мысли об ужасном драконе, он продолжает вынашивать планы, поскольку знает, что, когда Эго, символизируемое Кольцом Нибелунга, оплетено силками материальности так, что тело может считать его своей собственностью, все энергии Эго направляются низшей природой и тогда нет пределов 99] ее возможностям. Но Зигфрид, бесстрашный искатель истины, победив дракона, символизирующего природу желания, подчиняет себе и Миме, олицетворяющего плотное тело.

Свободный от смертных оков Дух способен понимать язык Природы. Интуитивно он ощущает, где сокрыта

истина, олицетворяемая валькирией Брунгильдой. Следуя за интуицией – в мифе это птица – он прибывает к скале, опоясанной огненным кольцом, чтобы будить спящую красавицу и добиваться ее. Но хотя мы можем, оставив физическое тело, вступить в сферу обитания истины, исход остается неясным, поскольку Вотан, страж веры, преграждает своим копьем путь Зигфриду, пытаясь в последний раз прогнать или обескуражить свободного искателя истины. Однако могущество веры, представленное копьем Вотана, ослаблено подписанием договора с великанами; иными словами, вера апеллирует к низшей природе человека. И в знак этого ослабления с древка копья исчезают магические символы. Поэтому оно легко ломается от первого же прикосновения Нотунга, мужества отчаяния.

После этого искатель больше не может позволить себе колебаться в сомнениях, даже если ему противостоят демоны (Фафнер) или боги (Вотан). Каждое препятствие он безжалостно сокрушает, поскольку им владеет лишь одно желание в этом мире – всепоглощающая жажда истины. Поэтому, сломав копье Вотана, **100]** он рвется вперед, ведомый птицей интуиции, и доходит до огненного круга, скрывающего Брунгильду, спящего духа истины. Не устранившись огненных видений и галлюцинаций, порожденных Логе, он бросается вперед, и вот! перед ним лежит та, о которой он грезил в течение многих жизней. Он склоняется к ней, берет ее в свои сильные, но нежные руки и страстным поцелуем пробуждает духа истины от ее долгого сна.

101]

Глава XII Битва истины и заблуждения

Нет слов, способных передать ощущение, которое испытывает душа, стоящая в присутствии истины, далеко от нашего мира (где вуаль плоти скрывает живые реалии) и

далеко от мира желаний и иллюзий, где фантастические иллюзорные формы внушают нам, что они и есть сама реальность. Только в слое Конкретной Мысли, где архетипы всего сущего объединяются в грандиозный небесный хор, звучащий, по выражению Пифагора, «гармонией сфер», мы находим истину, открытую во всей своей красоте.

Но Дух не может оставаться там вечно. Эта истина и реальность – столь яро желаемая каждым, для кого ее поиск превышает дружбы, отношений и прочих условностей – лишь средство движения к цели. А цель состоит в том, что *истина должна быть сведена в сферу физической формы, чтобы стать реальной ценностью в мировой работе.* Поэтому Зигфрид, искатель истины, должен покинуть утес Брунгильды, снова пройти через огонь иллюзии и вернуться в материальный **102]** мир, чтобы подвергнуться в нем искушениям и испытаниям и доказать свою верность клятве любви, данной им пробужденной валькирии.

Ему предстоит тяжелая битва. Мир не готов к истине, более того, он будет неистово противостоять любому движению в ее направлении. Он всеми силами и уловками будет пытаться погубить и опорочить того, кто принесет истину к его дверям, потому что мало кто способен выдержать ее слепящий свет.

Не только боги могут не выносить ее, что с прискорбием узнала Брунгильда. Разве не была она изгнана Вотаном, потому что отказалась применить свою силу на стороне условности! Любой, кто преступает условности, чтобы поддержать истину, быстро узнает, что весь мир оказывается против него и что ему предстоит остаться в одиночестве. Вотан был ее отцом и утверждал, что нежно любит ее. Да, по-своему он действительно любил ее, но еще больше он любил власть, символизируемую Валгаллой. Кольцо Веры, посредством которого он властвовал над человечеством, было для него более желанным, чем

Брунгильда, дух истины; и потому он погрузил ее в сон, окружив огненным кольцом иллюзии.

Если так к истине относятся боги, чего же можно ожидать от людей, не обладающих столь высокими идеалами, как боги, хранители религии, которые, казалось бы, и должны были наставлять их истине? Все это и гораздо больше того, что мы можем выразить словами – и над этим стоит помедитировать усердному учащемуся, – пронеслось в уме Брунгильды в момент расставания с Зигфридом. Чтобы дать ему хотя бы шанс в жизненной битве, она заколдовала все его тело, чтобы сделать его неуязвимым. Лишь одна точка между лопатками осталась незащищенной. Здесь мы видим аналогию с историей об Ахилле, чье тело также было сделано неуязвимым, кроме одной пятки. Этот факт имеет большое значение: пока воитель истины носит свой доспех (о котором упоминал апостол Павел) в жизненной битве и смело встречает своих врагов лицом к лицу, он всегда в конечном итоге будет побеждать, как бы сильно на него ни наседали. Ведь, обращаясь лицом к миру и обнажая свою грудь стрелам неприязни, клеветы и злословия, он показывает, что имеет мужество отстаивать свои убеждения. Тогда сила, превышающая его собственную, сила, которая всегда действует на стороне добра, защитит его от любого нападения. Но горе ему, если он повернется к ним спиной! Тогда, пока он не видит атак врагов истины, они отыщут уязвимое место на его пяте или между лопаток. Поэтому нам и всякому, кто любит истину, подобает извлечь урок из этого удивительного мифа и *осознать нашу ответственность – возлюбить истину превыше всего*. Дружба, отношения, любые прочие соображения не имеют веса для нас в сравнении с великой работой истины и для истины. Христос, полное воплощение истины, сказал своим ученикам: «Они возненавидели меня и возненавидят вас».

104]

Так что не станем обманываться: путь принципиальности тернист, и тяжел труд восхождения по

нему. На этом пути мы, возможно, потеряем связь со всеми, кто был близок и дорог нам. Хотя мир сейчас и демонстрирует приверженность к веротерпимости и религиозной свободе, дни преследований далеко не миновали. Слепая вера и догматизм все еще властвуют, готовые наказывать и преследовать любого, кто не согласен с ними. Но пока мы открыто встречаем их и продолжаем свой путь независимо от любой критики, истина всегда будет выходить из битвы невредимой. А если покажем себя малодушными трусами, вражеские силы нанесут нам смертельный удар по уязвимому месту.

Есть и другой момент: когда Зигфрид уходит с утеса валькирии в мир, он дает Брунгильде Кольцо Нибелунга. Это кольцо, как вы помните, было сделано Альберихом Нибелунгом из Золота Рейна, символизирующего Универсальный Дух. И еще мы помним, что он не мог сделать из слитка кольцо, пока не отрекся от любви. Ибо дружба и любовь прекращаются, когда Универсальный Дух окружается кольцом эгоизма. С этого времени жизненная битва велась яростно и жестоко: брат шел на брата, побуждаемый эгоизмом искать своей выгоды, невзирая на нужду другого.

Но когда Дух обрел истину и вошел в контакт с божественными реалиями, когда он вступил в слой Конкретной Мысли, то есть на небеса, **105]** и увидел одну великую истину – *что все едино* и все, что кажется раздельным здесь, имеет невидимую нить, объединяющую все со всем, Дух обрел всеобщность и любовь и больше не мог отделяться. Поэтому, покидая сферу истины, он оставляет чувство отдельности и «я», символизируемые Кольцом. Так он становится воистину универсальным. Он больше не знает *своего* рода и *своей* страны и чувствует себя как непонятый многими Томас Пейн, заявивший: «Весь мир моя страна; добрые дела – моя религия». Именно такая установка ума символизируется передачей Зигфридом Кольца Нибелунга Брунгильде.

Вы помните, что валькирии были дочерьми Вотана, главного божества скандинавской мифологии. Эти боги проносились по воздуху на конях, устремляясь туда, где шла смертельная битва. И как только воин падал замертво, они нежно поднимали его к себе на седло и переносили в Валгаллу, обитель богов, где воин воскресал и жил с той поры в вечном блаженстве. Слово «валькирия» переводится как *избирающая с восторгом*. Те, кто бился до конца в своей жизненной битве, избираются с восторгом богами, чтобы быть их спутниками.

Брунгильда – главная среди этих дочерей Вотана. Ее конь Гране был самым быстрым, и его, верно носившего духа истины, она отдала своему мужу, ибо *истина 106] всегда может считаться новобрачной в отношении того, кто нашел ее*. Конь символизирует быстроту и решимость, с которыми обручившийся с истиной способен выбирать правильный путь и отличать истину от заблуждения *при условии, что остается ей верным*.

Так, с любовью к истине в сердце, верхом на коне различения, Зигфрид пускается в сражение за истину, пытаясь привести мир к стопам Брунгильды. Земля и Небо на чашах весов, ибо он может коренным образом изменить мир, если будет верен и мужествен; но, если он забудет свою миссию и запутается в сфере иллюзии, исчезнет последняя надежда на искупление мира. *Гибель богов близка*, существующий порядок должен уйти, небеса исчезнут в огне, а трудами Природы могут родиться Новые Небеса и Новая Земля, где праведность станет одеянием всех и каждого.

Вернем теперь свой взор с небес, от Брунгильды и Зигфрида, на землю, где мир, который истина намерена освободить, ожидает явления героя. Северный миф повествует о дворе Гюнтера, короля честного и праведного по меркам того времени. Гутруна, его сестра, – первая леди той страны, поскольку брат ее не женат. Среди придворных – Хаген, имя которого означает «крючок», что

свидетельствует о врожденном эгоизме. Он – потомок Нибелунгов, родственник Альбериха, выковавшего роковое Кольцо. С тех самых пор как **107]** Кольцо ускользнуло из их рук, Нибелунги внимательно следили за его обладателями: сначала это был Вотан, обманувший Альбериха и лишивший его Кольца; затем великаны Фафнер и Фазольт, построившие Валгаллу для Вотана и заставившие его отдать им Кольцо, чтобы выкупить Фрейю, богиню любви и молодости, которую Вотан развратил и продал ради укрепления своей власти; затем, когда Фафнер убил Фазольта, Нибелунги наблюдали за пещерой, где затаился Фафнер, лежа на сокровище Нибелунга в виде огромного дракона. И Миме, приемный отец Зигфрида, заплатил своей жизнью за измышления о том, как вернуть сокровище. Не укрылся и Зигфрид от их внимательного взора, за исключением того времени, когда он был на утесе валькирии; ибо ни один Нибелунг, да и никто из людей неблагородных и немужественных, не может проникнуть за огненное кольцо иллюзий в царство истины. Поэтому Нибелунги не знали, что стало с Кольцом, когда Зигфрид вновь появился в мире, хотя они, конечно, догадывались, что оно осталось у Брунгильды, и тут же стали строить планы, как его заполнить

Двор Гюнтера находится на пути следования Зигфрида, и Альберих спешит известить Хагена, что приближается последний известный обладатель Кольца. Вместе они раздумывают, как его найти и добыть, но каждый в глубине своей злой души планирует известить другого и оставить сокровище только себе, ибо нет чести в битве отдельного «я»: каждый встает против **108]** всех остальных, кто бы те ни были. Мы видим, что в мире есть сотрудничество во имя общей цели, но для каждого участника общего дела наипервейшим остается вопрос: а что я буду с этого иметь? Пока это так и личная награда всегда имеется в виду, большая часть человечества не способна к совместному труду. Апостол завещал нам «не искать выгоды только для себя, но *быть участливым во благе других*». Умственно все

мы, добрые христиане, с этим согласны, но увы! сколь малое число из нас готово жить в соответствии с этим идеалом бескорыстного служения.

109]

Глава XIII Возрождение и напиток забвения

Рождение есть только сон и забвение,
И душа, идущая с нами,
Как звезда, озаряющая нашу жизнь,
Живет где-то далеко, и родина ее не здесь.

Вордсворт

Когда Зигфрид покидает утес валькирии и возвращается в мир, ко двору Гюнтера, ему дают напиток, который, как предполагалось, заставит его забыть всю его прошлую жизнь и Брунгильду, духа истины, которую он завоевал с таким трудом.

Обычно считается, что доктрине возрождения учат только древние восточные религии, однако изучение скандинавской мифологии рассеивает это заблуждение. Древние скандинавы верили и в возрождение, и в закон Причины и Следствий, применяемый в нравственном отношении, до тех пор, пока христианство не запретило эти доктрины. Причины этого изложены в «Космоконцепции розенкрейцеров» (с. 167). Странно читать о том смятении, которое вызвало вытеснение христианством древней религии Вотана. Люди верили в возрождение сердцем, но отрекались от него **110]** на словах, о чем свидетельствует следующая история о святом Олафе, норвежском короле, одном из самых ранних и ревностных последователей христианства. Когда королева Аста, супруга короля Гарольда, никак не могла разродиться, пришел во дворец один человек и принес с собой драгоценности, о которых рассказал так: король Олаф Гирштад, правивший

Норвегией много лет назад и бывший прямым предком Гарольда, явился ему во сне и приказал открыть склеп, в котором хранилось его тело, и, открыв гроб мечом, взять из него несколько драгоценных камней, чтобы передать королеве, боль у которой после этого утихнет. Драгоценности были принесены в покои королевы, и вскоре она разрешилась мальчиком, которого назвали Олаф. Считалось, что Дух Олафа Гирштада перешел в тело ребенка, названного в его честь.

Много лет спустя, когда Олаф стал королем Норвегии и принял христианство, он ехал однажды, как это часто делал, по кургану, под которым покоился его предок. Придворный, бывший с ним, спросил: «А правда ли, мой господин, что вы когда-то лежали в этом кургане?»

«Никогда, – ответил король, – мой Дух не обитал в двух телах».

«Но рассказывают, что однажды вы сказали, проезжая здесь: “Я был здесь и обитал здесь”». 111]

«Я никогда не говорил этого, – уклонился король, – и никогда не скажу так».

Он был настолько смущен, что быстро поскакал вперед, наверное, чтобы избежать расспросов о том внутреннем чувстве, которое не смогли искоренить в нем все новые догматы.

Как факт, все древние народы Востока и Запада многое знали о рождении и смерти. Это знание было забыто, потому что восторжествовала иная точка зрения. Но до сих пор в Норвегии, например, многие крестьяне говорят, что обладают способностью видеть Дух, выходящий из тела в момент смерти, в форме длинного узкого белого облачка, являющегося, несомненно, жизненным телом. Учение розенкрейцеров – о том, что покойники пребывают около своего земного тела в течение некоторого времени после смерти, что они выглядят как светящееся тело и им сильно вредят выражения скорби близких, – очень схоже с широко

распространенными представлениями древних скандинавов. Когда умерший король Хельге Датский явился утешить свою вдову, она воскликнула в глубоком горе: «Роса смерти окропила это славное тело!» Он же ответил:

Тому причиной ты, Сигруна,
Что Хельге рососою скорби твоей умыт.
Сокрушаться ты не прекращаешь
И не осушаешь горьких слез своих. **112]**
Но каждая кровавая слезинка
Падает на грудь мою пронзительной тоской
И хладом ледяным покоя не дает мне.

Учащиеся, узнав о факте возрождения, обычно удивляются, почему память о прошлых жизнях изглаживается, и многие из них загораются всепоглощающим желанием узнать прошлое. Они не могут понять, какое благо несет напиток забвения, и с завистью смотрят на людей, заявляющих, что они знают свои прошлые жизни, в которых были королями, королевами, философами, священниками и так далее. Однако не помнить прошлого – благо, поскольку прежний опыт не имеет ценности в этой жизни, кроме впечатления, оставленного посмертным пребыванием в чистилище или на небесах. Это впечатление действует так: в надлежащее время оно направляет, предупреждает, побуждает к определенным действиям, и эта выжимка из прошлого опыта действует куда быстрее мысли.

Чтобы пояснить еще, можно уподобить этот отпечаток на наших тонких телах записи фонографа, которая, воспроизводясь, вынуждает расположенные рядом камертоны вибрировать в ответ на определенные ноты. Со стороны не видно причины, по которой бороздка фонографической записи соответствует определенному камертону, просто, когда игла попадает на эту **113]** бороздку, возникает определенный звук, заставляющий камертон вибрировать. Понимаем мы этот феномен или

нет, наглядная демонстрация показывает, что существует связь между крохотными бороздками и камертонами, которая не зависит от знания того, как были записаны эти звуки или что заставляет камертоны откликаться на вибрацию. Феномен налицо, знаем мы о нем или нет.

Аналогично определенный имеющийся у нас жизненный опыт, радостный или горестный, конденсируется в посмертном переживании, оставляя свой отпечаток в душе, предостерегающий, если он собирается в чистилище, или побуждающий, если он собирается на небесах. В одной из последующих жизней, когда возникнет опыт, сходный с тем, что вызвал отпечаток, душа ощутит вибрацию и тон ее будет болезненным или радостным в зависимости от записи, оставшейся от прошлой жизни. Это ощущение будет намного более быстрым и точным, чем само впечатление от действия, происходящего перед нашими глазами. Ибо прямо сейчас мы не в состоянии оценить настоящий опыт в истинном свете, так как нас отягощает плоть. Плоды же переживания, собранные на небесах или в преисподней, безошибочно укажут нам, как следует действовать: так же как в прошлом или же в ином направлении.

Более того, предположим, что мы действительно знаем свои прошлые жизни, что своими попытками жить достойно мы обрели эту способность. Предположим, что наши жизни были полны бесчинств, жестокости, преступлений и эгоистических поступков. Если бы люди стали презирать нас за все эти деяния, **114** мы, наверное, попросили бы не судить нас за прошлое и доказывали, что они не правы, преследуя нас. Мы стали бы спорить и доказывать, что теперь о нас надо судить по нынешним, праведным деяниям, не обращая внимания на прошлое. И в этом мы были бы совершенно правы. Тогда почему в этой жизни мы требуем уважения, похвалы или восхищения за то, что в прошлом были королями и королевами? Даже если так оно и было, зачем подвергать себя нападкам скептиков, рассказывая эти истории? Так что, обладаем мы памятью о

прошлых жизнях или нет, лучше всего сосредоточить свои усилия на том, что возможно сегодня.

Несомненно, тот, кто способен исследовать память Природы и делает это в интересах прогресса и эволюции человека, столкнется рано или поздно со следами своих прошлых деяний. Но истинный служитель, действительно ощущающий себя работником в винограднике Христовом, никогда не позволит себе свернуть с пути служения, дабы угодить своему любопытству. Ученика, получающего инструкции от Старших Братьев, предупреждают при первом Посвящении, что он никогда не вправе использовать свои способности для удовлетворения любопытства, и при всех последующих визитах в Храм ему напоминают об этом снова и снова.

Различия между законным и незаконным использованием духовных способностей настолько тонки, что по мере своего роста человек, **115]** одаренный ими, в девяноста случаях из ста скажет: «Что пользы в духовном зрении или умении оставлять тело? При таких ограничениях вероятность нарушить закон слишком высока, чтобы имело смысл этими умениями пользоваться». Тем не менее эти способности очень ценны, а ответственность за их применение является естественным следствием духовного роста.

Животное свободно берет то, чего желает; оно не совершает греха и не ответственно за свое действие, потому что не знает ничего другого. Но как только идея «моего» и «твоего» входит в наше сознание, появляется и ответственность. По мере роста нашего знания растет и ответственность. Чем тоньше становятся качества души, тем тоньше и различия между правильным и неправильным. Мы наблюдаем это в своей повседневной жизни, где стандарты дозволенного и недозволенного варьируются от личности к личности.

И когда мы начнем стремиться обрести способность знать прошлое, мы обнаружим, что не можем оправдать

применение этой способности для самовозвеличивания или получения мирских богатств или власти. Жизнь или жизни, прожитые нами, сокрыты от нас с определенной целью, и так будет, пока мы не узнаем, как отворить эту дверь; но, когда у нас будет ключ, мы, возможно, не захотим им воспользоваться.

По этой причине Зигфриду и дают напиток забвения в тот момент, когда он входит во дворец Гюнтера. **116]** Он сразу забывает свою прошлую жизнь с карликом Миме, который называл его сыном. Он забывает, как отковал волшебный меч, «мужество отчаяния», который так помог ему в битве с Фафнером, духом страсти и желания. Он забывает, как добыл Кольцо Нибелунга, символ эгоизма, посредством которого обрел знание своей духовной сущности, как убил Миме (личность), претендовавшего на то, что является его родителем. Теперь он не помнит, как, будучи свободным духом, не знающим страха, сломал копьё Вотана, хранителя веры, и последовал за птицей интуиции в обитель спящего духа истины. Он забыл свою женитьбу на Брунгильде и клятву бескорыстия, которую произнес, отдавая ей Кольцо.

Но каждое из этих важнейших событий оставило свой отпечаток в его душе. Теперь предстоит испытание: насколько глубок этот отпечаток? Испытание приходит к нам жизнь за жизнью, пока сокровища, собираемые на небесах, не помогут нам выдержать его здесь, на земле. После Крещения, когда Дух Христа сошел в плотское тело Иисуса, последовало испытание пустыней и искушениями, чтобы проверить его силу. Точно так же и мы после каждого небесного опыта должны ожидать возвращения на землю, чтобы проверить его прочность в горниле опыта земного.

117]

Глава XIV Гибель богов

Когда Зигфрид достигает ворот дворца Гюнтера, Гутруна, добрая сестра короля, вручает ему волшебный кубок забвения. Выпив его, он тотчас забывает свое прошлое и Брунгильду, духа истины, оставшись обнаженной душой, которой предстоит выдержать жизненную битву. Но он обладает тонкой субстанцией прежнего опыта. Меч Нотунг, мужество отчаяния, которым он победил алчность и веру, символизируемые драконом Фафнером и богом Вотаном, по-прежнему с ним. Тарнкап, шлем иллюзии, есть яркий символ того, что мы в наше время зовем гипнотической силой, так как всякий, кто одевает его, является другим в любом желаемом облике. У него есть конь Брунгильды Гране, различение, **118**] с помощью которого он сам может всегда отличать правду от лжи и иллюзии. Он по-прежнему владеет силами, которые может употребить во зло или во благо по своему выбору.

Как мы уже говорили, наше представление об истине меняется по мере нашего прогресса. Мы постепенно взбираемся горной тропой эволюции, и на каждом повороте нам являются различные аспекты истины, которые ранее мы не могли воспринимать. И то, что справедливо на одной стадии, неверно на другой. И хотя все, что бы мы ни видели, будучи во плоти, мы видим сквозь завесу иллюзии, символизируемую огнем Логе, окружающим утес Брунгильды, ее быстрый конь Гране, различение, тоже всегда при нас; но, если мы отпускаем его поводья, материальный мозг и ум, отуманенные напитком забвения, не дают Духу сойти на нас.

Раннеатлантическая эпоха, когда люди были бесхитростными «детьми тумана» (Нибелунгами), обитавшими в туманных низинах Земли, представлена в «Золоте Рейна». Более позднее время – век дикости, когда человечество отвергло любовь, как Альберих, и сковало «Кольцо» эгоизма, куда заключило энергию для обретения материальных благ, символизируется «сокровищем»

Нибелунга, за которое великаны, боги и люди сражаются со звериной жестокостью и низким коварством. Это время представлено в «Валькирии».

Раннеарийская эпоха отмечает рождение идеалистов, названных Вельзунгами (Зигмунд, Зиглинда, Зигфрид), новой расы, устремляющейся в священном порыве к новым, высшим ценностям. 119] Это доблестные рыцари, обладающие мужеством иметь свои убеждения и всегда готовые сражаться за правду, ту, которую они видят, кладя свою жизнь ради распространения дорогих их сердцу убеждений. Так эпоха реалистического дикарства уступает место эпохе идеалистического рыцарства.

Теперь мы живем в последней фазе Арийской эпохи. Искатели истины прошлого вновь оставили опоясанный огнем утес Брунгильды. Мы снова облачились в завесу плоти и испили напиток забвения, реально участвуя в последней части великой эпической драмы «Гибель богов», очень похожей в своих важнейших моментах на наш христианский Апокалипсис. Нам проповедовалось «Евангелие Царства», нам были открыты «Путь, Истина и Жизнь». Так же было и с Зигфридом, и теперь мы проходим испытание, как проходил и он при дворе Гюнтера. Будем ли мы жить так, как подобает «обрученным с истиной», или же мы вытащим ее из убежища и пустим по рукам, как это сделал Зигфрид? Чтобы добиться руки Гутруны, он сорвал символ эгоизма, Кольцо Нибелунга, с руки Брунгильды и снова надел на свой палец; он связал Брунгильду и отвез к Гюнтеру, чтобы она стала его женой; он фактически продал ее, а сам вступил в прелюбодеяние с Гутруной, ибо, однажды заключив брачный союз с истиной, искать мирских утех – значит совершить духовное прелюбодеяние.

Небо и Земля были потрясены столь ужасным предательством истины. Великий мировой ясень, дерево жизни и бытия, сотряслось до самых корней, где Урд, Скульд и Верданде – прошлое, настоящее и будущее – ткут

нить судьбы. Потемнело на Земле; **120]** копьё Хагена нашло единственное уязвимое место на теле Зигфрида – его жизнь стала расплатой за преступление, и, поскольку высший идеал эпохи рухнул, не было больше смысла поддерживать существование. Поэтому Хеймдаль, небесный наблюдатель, протрубил в свою трубу, и боги тронулись мрачной процессией по радужному мосту в последний раз, чтобы встретиться с великанами в финальной битве, за которой следовало разрушение небес и земли.

Это очень важный момент: в начале драмы мы видим Нибелунгов «на дне реки». Позднее Альберих выковывает «Кольцо» в огне, который может гореть лишь в ясной атмосфере, такой, какая она сейчас, в Арийскую эпоху. В течение этой эпохи боги тоже собирались на радужной дуге, отражении небесного огня. Когда Ной провел прасемитов через «Потоп», он возжег первый огонь. Тогда в небесах воздвиглась «дуга», чтобы остаться там на время этой эпохи, и было заповедано, что друг друга будут сменять циклы лета и зимы, дня и ночи и т.д. В Апокалипсисе (IV:3) Иоанну объясняется то, «чему надлежит быть после сего», Сидящим на престоле, вокруг которого сияет радуга; позднее (X:1–6) могучий Ангел, над головой которого была радуга, торжественно провозгласил: «Времени уже не будет». Из северного мифа и христианского учения явно следует, что эпоха началась с установления радужной дуги в облаках, и, когда радуга удалится, эпоха закончится, наступит новое состояние бытия, физического и духовного. **121]**

В это время испытаний грядет другой феномен, предсказанный древним мифом. У Логе, духа иллюзии, было трое детей. Змей Мидгард, обвивающий Землю и кусающий собственный хвост, – это океан, отражающий и искажающий каждый погруженный в него объект. Люди боятся этой вероломной стихии; их лица бледнеют при мысли, что могут сделать разбушевавшиеся воды. Волк Фенрис, атмосфера, – также дитя иллюзии (оптической), и ужасный рев ветра может внушить страх самым храбрым

сердцам. Хел, смерть, – третье дитя Логе и «королева страха». До начала плотного существования сознание человека, как описывается в великом мифе и Книге Бытия, фокусировалось в духовных мирах, где порождающие иллюзию стихии – Логе (огонь), Фенрис (воздух) и Змей (вода) – отсутствуют, поэтому и смерть там была неизвестна. Но в нынешнюю эпоху, когда состав человеческого тела является объектом действия стихий, смерть свирепствует.

При звуке трубы Хеймдаля все разрушительные факторы устремляются на равнину Вигрид, аналог Армагеддона, где боги и верящие в них последователи собрались на последнюю битву. Сыновья Муспеля (физического огня) ринулись с юга, сокрушая радужный мост. Великаны Мороза выдвинулись с севера. С ужасным ревом Фенрис, яростный атмосферный дух, обрушился на Землю. Так ужасен **122]** был его удар, что трение создало огонь, поэтому говорят, что нижняя челюсть этого волка покоится на Земле, верхняя достигает Солнца и огонь устремляется из его ноздрей. Он проглатывает Вотана, главного бога воздушной эпохи, эпохи радуги. Змея Мидгарда побеждает Тор, бог грома и молнии, но, когда электрические разряды иссушают стихию воды, больше не может быть грома и молнии, поэтому северный миф утверждает, что Тор умирает от испарений, исходящих от Змея. В нашем христианском Апокалипсисе мы тоже читаем о громах и молниях и узнаем, что «моря уже нет».

Но как Феникс, встающий обновленным и прекрасным из пепла, так и Новая Земля, чудеснее и эфирнее прежней, виделась древней пророчице восставшей из великого противостояния, в котором «стихии сжигаются пылающим жаром», – «Гимле», так назвала она ее. И земля эта была заселена, ибо, пока шла великая битва, мужчина и женщина по имени Лиф и Лифхарасер (*лиф* означает жизнь) спаслись и их потомки образовали новую расу, зажившую в мире и близости к Богу.

Я вижу дворец на вершине Гимле,
Сверкающий пуще солнца и крытый золотом.
Туда вселится целомудренная раса, **123]**
Чтобы блаженством насладиться
На веки вечные.
Туда устремится Могучий Отец,
Придя на совет богов
И силу свыше неся.
Он, помышляющий обо всем,
Издаст указ, что прекратит борьбу
И установит вечный мир.

Таким образом, древний северный миф говорит, хотя и под другим углом, о тех же самых истинах, которые более полно изложены в христианском Писании, от Книги Бытия до Апокалипсиса. Важно, чтобы мы осознали истинность этих сказаний. Увы, есть слишком много таких, которые, по свидетельству апостола Петра, говорят: «Где обетование пришествия Его? ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Петра, 3:4). Мало кто понимает важность утверждения из второй главы Книги Бытия: «Пар поднимался с земли и орошал все лице земли». Дети этого пара, или тумана, должны были физиологически отличаться от современного человека, который дышит воздухом со времен «Потопа», когда туман сконденсировался и стал морем. Если такие перемены имели место **124]** в прошлом, то грядет и другая перемена. Да, в наше время этого может и не случиться, ибо «о дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын...» (Мк., 13:32), и в этой связи мы вспоминаем о предостережении Ноя. В те дни люди ели и пили, женились и выходили замуж, но внезапно нахлынули воды и поглотили их, и все, кто не развил физиологического аппарата *легких*, необходимого для жизни в новых условиях, погибли. Ковчег же благополучно перевез первопроходцев по водам.

Для того чтобы благополучно пройти через перемены, необходимо «брачное одеяние», над которым мы и должны

в первую очередь работать. Это то же, что *soma psuchicon*, или «душевное тело», о котором упоминает апостол Павел (1 Кор., 15:44), – эфирный проводник, имеющий наиважнейшее значение. Когда нынешние стихии рассеются в надвигающихся переменах, как же мы выживем, если способны функционировать только в плотном теле?

Германо-англосаксонская раса должна смениться еще двумя расами, прежде чем Шестая эпоха проявится со всей определенностью, но уже сегодня в нашей расе готовится зерно Нового Века. И миссией Ордена розенкрейцеров, работающего через Братство розенкрейцеров, является распространение научного метода развития, предназначенного специально для западных людей и позволяющего им обрести «брачное одеяние». Будем же трудиться над ним, чтобы приблизить День Господень.

127]

ТАНГЕЙЗЕР

Глава XV

Маятник радости и скорби

В этой драме мы вновь встречаемся с одной из древних легенд. Она была дана человечеству божественными Иерархиями, которые ведут нас по пути прогресса посредством наглядных средств, чтобы люди могли подсознательно впитывать идеалы, к которым в дальнейших жизнях они будут устремляться.

В древности любовь была жестокой: невесту похищали или забирали как военный приз. Обладание *телом* – вот что было желанным, так что женщина становилась имуществом, которое захватывал мужчина для собственного удовлетворения, **128]** и только. Высшим, более тонким возможностям ее существа не давалось шанса для выражения. Такое состояние дел требовалось изменить, иначе прогресс человечества мог остановиться. Яблоко всегда недалеко падает от дерева. Любой человек, рожденный от союза, заключенного в столь грубых условиях, был заведомо груб; и, если человечеству было суждено подняться, нужно было дать новые образцы любви. «Тангейзер» – одна из попыток в этом направлении.

Другое название этой легенды – «Состязание трубадуров». Менестрели в Европе были средневековыми учителями. Они были странствующими рыцарями,

обладающими даром слова и пения. Они скитались из страны в страну, радушно приветствуемые и прославляемые при дворах и в замках. Они оказывали могучее влияние на формирование идей и идеалов того времени. Так, на состязании певцов в замке Варцбург решались тогдашние насущные вопросы: имеет ли женщина право распоряжаться собственным телом или нет, может ли она быть защищена от распущенного поведения своего мужа, должна ли она считаться в любви равноправным партнером и любима как душа – душой или же ей суждено оставаться рабыней, подчиняющейся диктату своего хозяина.

Естественно, что при каждом изменении всегда находятся те, кто защищает старые порядки и препятствует установлению новых. Самые сильные представители противоборствующих сторон приняли участие в песенном турнире замка Варцбург. **129]**

Вопрос остается насущным и по сей день. Он еще не решен для себя большинством людей, хотя провозглашенный новый принцип истинен, и, как только мы согласимся с ним на деле, подняв существующий стандарт любви, появится новая, лучшая раса. Этот вопрос особенно важен для тех, кто старается вести духовную жизнь. Хотя принцип и кажется самоочевидным, с ним пока согласны не все из тех, кто провозглашает высокие обеты. Со временем каждый усвоит, что только при равноправии женщин и мужчин род человеческий может подняться, ибо по закону Возрождения душа рождается попеременно в телах обоих полов, так что угнетатели в свое время становятся угнетенными, и наоборот.

Пагубность двойного стандарта поведения, который выделяет один пол за счет другого, должен быть сразу очевиден любому, кто верит в последовательность жизни, посредством которых душа прогрессирует от бессилия к всемогуществу. А сколько раз доказывалось, что свободная от мужской тирании женщина не только равня ему, но и

очень часто превосходит его, в том числе и в ментальном отношении. Впрочем, из драмы это прямо не следует.

В легенде говорится, что Тангейзер, представляющий душу на определенной стадии развития, разочаровался в любви, поскольку его объект поклонения, Елизавета, была слишком чиста и юна, чтобы ответить на его чувство. Сжигаемый страстным желанием, он сходится с той, которая просто похожа на Елизавету. **130]**

Наши мысли подобны камертону. Они пробуждают отзвук в других, способных откликнуться. Поэтому мысли Тангейзера, наполненные страстью, приводят его в место, называемое «горой Венеры».

Подобно «Сну в летнюю ночь» Шекспира, эта история о том, как герой находит гору Венеры, берется на нее богиней любви и удерживается в цепях страсти ее чарами, не во всем является плодом фантазии. В воздухе, водах и огне обитают духи, которые при определенных условиях вступают с человеком в контакт. В наэлектризованной атмосфере Америки таких явлений довольно мало, но в Европе, особенно на севере, царит мистическая атмосфера, отчасти настраивающая людей на видение этих элементаров. Богиня красоты, Венера, является в действительности одной из эфирных существей и питается вибрациями низших желаний, для удовлетворения которых творческая сила расходуется в огромных количествах. Многие вызывающие одержимость духи, захватывающие контроль над медиумами и побуждающие их к аморальности и злоупотреблениям, действуя в качестве их «возлюбленных душ» и нанося серьезный вред своим жертвам, относятся к тому же, крайне опасному, классу. Парацельс упоминает о них как об «инкубах» и «суккубах».

Первая сцена «Тангейзера» показывает нам вакхическую оргию в гроте Венеры. **131]** Тангейзер на коленях стоит перед богиней, возлежащей на ложе. Он словно просыпается ото сна и ощущает стремление еще раз

посетить Землю. Он говорит об этом Венере. Она же отвечает:

Изменник! Ах! Меня ты оскорбляешь?
Презреть мою любовь ты смеешь дерзко?
Ей гимн поешь, – и сам ее бежишь?
Постыла прелесть чар моих тебе?

Воспламененный своей идеей, Тангейзер порывисто хватается за арфу и поет:

Я твой певец! Бесценна та награда,
что мне, счастливцу, мощь твоя дарит!
Всех благ славней чудес твоих отрада,
и петь ей гимны сердце мне велит!
В истоме чувств всю чашу наслаждений
до дна испить так жадно я хотел:
чем только боги прежде упивались, –
все ты дала мне, смертному, в удел! –
Но смертный все ж здесь пред тобою, –
твоей любви, ах! я не стою:
удел богов – блаженный сон,
а я для смены чувств рожден;
одних утех мне мало моря,
и в счастье сердце жаждет горя! –
Вне жизни жить я не могу!
Богиня! Друг мой! Я бегу! **132]**

Когда люди вышли из Атлантиды и вступили в воздушные пространства Арианы, в небе впервые засияла радуга – знак новой эпохи. В то время было сказано, что, пока она будет стоять в небе, времена года не перестанут изменяться. День и ночь, лето и зима, приливы и отливы – все циклы Природы будут выполняться в неизменной последовательности. В музыке не всегда царит гармония. Иногда вторгается диссонанс, чтобы восприятие мелодии стало ярче. То же происходит и в отношении боли и страдания, радости и счастья: *они суть меры изменения.*

Мы не можем постоянно быть в одном, не желая другого; после жизни на небесах нам нужно собрать опыт, возможный лишь на Земле. Именно эта внутренняя тяга, вызывающая качание маятника от радости к скорби и обратно, изгнала Тангейзера из грота Венеры, чтобы он вновь мог познать борьбу и движение мира; чтобы вновь мог собрать опыт, даруемый только страданием, и забыть наслаждения, не дающие силу душе. Для низших сил характерно всегда пытаться влиять на душу против ее воли. Они всегда стараются использовать каждый шанс, чтобы увести ее с пути праведности. Поэтому Венера, олицетворяющая в драме эти силы, пытается отговорить Тангейзера от его планов: **133]**

Та, чью любовь презрел ты дерзко,
чью гордость победно ты разбил, –
та может дать пощаду:
забыв презренье, милости проси!

Но Тангейзер тверд в своем решении. Тяга внутри его так сильна, что ничто не может удержать его в чертоге богини, но, все еще ощущая ее чары, он с жаром восклицает:

Ты вечный светоч мой, и гимн хвалебный
я буду петь всегда тебе одной!
Ты украшаешь жизнь мечтой волшебной,
и все живое слышит голос твой!
Тот жар богов, что ты влила мне в сердце, –
пылай огнем ярчайшим в честь твою!
Да, быть твоим борцом пред всей вселенной
навеки клятву я тебе даю!
Но должен я бежать на землю:
тебе, как раб, я молча внемлю!
Пусть вольно грудь вздохнет моя, –
свободы, воли жажду я!
Хочу борьбы, хочу врагов, –
я вызвать смерть на бой готов!

Без бури жить я не могу!
Прощай, богиня! Я бегу!

И когда Тангейзер уходит из грота Венеры, он остается с обетом служения низшей, чувственной стороне любви. Он идет в мир, чтобы учить этому людей, ибо такова природа человечества: *то, чего жаждет сердце, должно произойти.* 134]

Хорошо зная свою страну, он сразу же направляется к Варцбургу, где у хозяина и хозяйки поместья всегда гостят менестрели, которым там покровительствуют и дарят щедрые подарки.

По дороге он встречает в лесу группу менестрелей, которые узнают его и крайне удивлены тем, что не видели его так долго. Они расспрашивают его, но Тангейзер, зная общие настроения против низших элементарных сил Природы, уклоняется от ответа и не говорит о своих приключениях. Менестрели сообщают ему, что направляются в замок на турнир трубадуров, и приглашают его с собой.

Прослышав, что предметом песен будет любовь, а призом победителю будет дочь ландграфа, прекрасная Елизавета (именно та, которую Тангейзер когда-то любил так сильно, что, сжигая свою душу, попал в грот Венеры), он вновь вознамерился своим пылом пробудить отклик в сердце прекрасной девы, чтобы она услышала его мольбы. Поскольку мы всегда пожинаем плоды скорби, когда идем против законов прогресса, Тангейзер этим намерением посеял семя скорби, испытать которую он сам пожелал в гроте Венеры. 135]

Глава XVI

Менестрели, посвященные Средневековья

Когда Тангейзер вышел из грота Венеры, одним из первых звуков, им услышанных, была песня паломников, направлявшихся в Рим за отпущением грехов. Эта песня возбуждает в нем всепоглощающее чувство вины. Он падает на колени и восклицает в глубоком раскаянии:

О Всемогущий, я прошу тебя
Быть милосердным к участи моей.
Моих грехов так тяжек гнет, –
терпеть их я не в силах боле!
Покой мне счастья не дает, –
я рад тернистой, скорбной доле...
Но ждать прощенья я не перестану.

Пока он так мучился и проклинал себя, предрекая себе одиночество и осуждение мира за свою нечестивую любовь к Венере, появились менестрели. Они узнают его и начинают убеждать идти с ними в Варцбург, но, как уже говорилось, только *страстная* любовь к Елизавете заставила его последовать за ними. Он чувствует, что не посмеет сам подойти к ней, но **136]** Вольфрам фон Эшенбах в качестве последнего аргумента говорит, что Елизавета тоже любит его. Елизавете после ухода Тангейзера стали не милы любые песни, и Вольфрам фон Эшенбах, один из самых чистых и прекрасных персонажей средневековой истории, пытается устроить ее счастье, вернув ей Тангейзера, хотя сердце его при этом разрывается, потому что он сам любит ее. Услышав новость, Тангейзер воспламеняется *страстью* заново и восклицает:

Друзья, идем! Ах, к ней, скорее к ней! –
Ха! Ты теперь опять мне дорог,
прекрасный мир! Да, я воскрес!
Смеется небо мне приветно,
ласкает взоры вешний лес!
Весна несметным роем звуков
поет свой гимн в душе моей!

В томленьи бесконечно-нежном
я слышу зов: скорее к ней!

Встретив Тангейзера в замке, Елизавета говорит ему:

Простите, я не знаю, что со мною...

В тумане я... Слабее, чем дитя, –
нет сил бежать из плена чар чудесных...

Как мне понять себя? О, Боже мой!

Какая тайна мне смущает сердце?

Внимать певцам прекрасным
так рада я была:

усладой мне казалась

их звучных строф хвала.

Но непонятной, странной жизнью

мне ваш напев затрепетал, –

то слезы навевал он скорби,

то к радости безумной звал...

Как нов был этот мир восторгов, –

в груди желанья он зажег!..

Былые чувства уничтожил

блаженных, новых чувств поток!

И вот, когда от нас ушли вы, –

погибли дни моей весны:

напевы, что другие пели,

мне стали скучны и темны...

Тоскливо я весь день мечтала

и плакала всю ночь во сне...

Погас в душе источник света...

Генрих! Что вы внушили мне? **137]**

Тангейзер вдохновенно ей отвечает:

Тобою бог любви владеет,

бог знойной страсти, бог огня!

Он, он зажег мои напевы,

к тебе он сам привел меня!

И Елизавета с облегчением признается:

Я славлю мощь святую,

я славлю светлый час,
что новой, властной силой
сюда приводит вас!
Мне солнце вновь сияет
и льет отрадный свет!
Судьба меня ласкает,
и жизнь мне шлет привет!

Елизавету любят два менестреля, Вольфрам и Тангейзер, но, сколь различна эта любовь, видно из содержания их песен во втором акте, когда ландграф Вартбургский открывает состязание певцов следующими словами:

Когда наш меч в кровавых, грозных битвах
за честь и мощь отчизны воевал,
когда со злобным Вельфом мы боролись
и отвратили тем распада гибель, –
тогда и вы себе стяжали славу.
Красотам чувств и добрым нравам,
невинности и вере чистой
искусством добыли вы здесь
венец неблекнущих побед.
Сегодня тоже дайте праздник нам:
вновь видим мы сегодня здесь того
певца, по ком так долго мы скучали.
В его внезапном возвращенье в Вартбург
загадочную тайну вижу я;
вы чудом песни нам ее раскройте!
И вот, я ставлю вам теперь вопрос:
«Как вы любви природу объясните?» **138]**
Кто всех сильнее, кто ей достойный гимн
споет, тому принцесса приз вручит, –
он может пожелать венца любого:
я, ландграф, за нее даю вам слово! –
Так, песнопевцы! Пусть бряцают струны!
Задача вам дана, – в бой за успех!
Благодарим вперед сердечно всех!

В этом стихе мы видим истинное понимание возможностей и миссии рыцарства и менестрелей. Долгом рыцарей было следовать путем войны, чтобы защищать мечом всех, кто в этом нуждается, чтобы заступаться за слабых. Следуя тогдашнему кодексу чести, защищая слабых, храня дружбу и сражаясь с врагами, рыцарь усваивал уроки физического и в определенном смысле морального мужества, столь необходимого для развития души. Каждый, кто встает на путь духовного постижения, становится благородным рыцарем, которому приличествует сознавать необходимость обретения рыцарских добродетелей, ибо на духовном пути есть опасности и места, когда требуется физическое мужество. Дух, к примеру, не может освободиться, не причиняя беспокойства плоти. Болезнь обычно сопровождается душевным ростом в той или иной степени, и требуется физическое мужество, чтобы выносить страдания и борьбу, ей сопутствующие. Так тело приносится в жертву душе.

Миссия менестрелей заключалась в том, чтобы питать мужество и, кроме того, прививать более утонченные добродетели. Поэтому все менестрели **139]** испытывали поэтическое напряжение, которое сопрягает нас с той тонкой гранью Природы, недоступной большей части людей. Более того, многие из них были в Средние века Посвященными или, возможно, братьями-мирянами. Потому их слова часто оказывались настоящими перлами мудрости. Их почитали за наставников, за мудрецов, они были друзьями всех истинно благородных знатных людей.

Были среди них и исключения, но Тангейзер, конечно, не принадлежит к их числу. Это истинно благородная душа, несмотря на все его ошибки, и нам надлежит помнить, что, прежде чем стать Вольфрамами, все мы являемся Тангейзерами. Все мы согласны с Тангейзеровым определением любви, пока не дорастаем до духовной концепции Вольфрама, изложенной в его песне.

Бросается жребий, чтобы выявить порядок исполнителей. Имя Вольфрама звучит первым, и вот он начинает:

Здесь пред собой я вижу сонм героев:
мне этот блеск смущает дух и взор...
Так много мудрых, сильных, славой гордых, –
цветущий, стройный лес, могучий бор...
Невинной прелестью сияют жены, –
благоуханных, юных роз венец... 140]
Мне созерцанье очи опьяняет:
потупя их, невольно смолк певец. –
Средь ярких звезд одной лишь вдохновляясь,
я на высоты устремляю взгляд:
мечты мои зажглись огнем священным
и набожно молитву ей творят...
И вот – открылся мне родник чудесный,
в него мой дух глядит, восторг тая:
в нем почерпнул я радость благодати, –
и сил живых полна душа моя...
Тех светлых струй я никогда не трону,
желаньем жадным не дерзну смутить:
за чистый ключ, источник счастья вечный,
до капли рад я сердца кровь пролить!
Герои! Нет в моих словах искусства:
вот существо любви, святого чувства!

Затем поет Тангейзер, словно пробуждаясь ото сна:

О Вольфрам, в этой песне томной
ты исказил любви закон!
Когда бы мир лишь робко жаждал, –
поверь, давно иссяк бы он!
Склонясь пред Богом, ввысь возденьете очи, –
к небесной дали, к звездам тайной ночи:
молитесь этим чудесам, –
их не постичь вовеки нам!
Но что к прикосновенью склонно,
то нас всегда к себе влечет;

что рождено от той же плоти,
то мягкой формой к телу льнет!
Родник блаженных наслаждений,
желанья смелость награди!
Неиссякаем ключ отрадный,
как вечна страсть в моей груди! **141]**
Да, чтоб огонь горел мне вечно,
ты услаждай меня, струя! –
Так знай же, Вольфрам, вот в чем сущность
любви бессмертной вижу я!

Мы видим действительное описание двух крайностей любви. Любовь Вольфрама – это любовь души к душе, Тангейзер же говорит о любви чувственной. Одна любовь ищет отдачи, другая требует обладания и получения. Это только начало состязания, о котором мы поговорим позже, но полюса уже обозначены, и следует заметить, что Вольфрам фон Эшенбах является вестником новой прекрасной любви, которая должна вытеснить прежние примитивные представления.

К несчастью, по сей день эти древние представления ассоциируют любовь с обладанием, собственностью. Те, кто верят в последовательное Возрождение в мужских и женских телах, автоматически убеждаются и в том, что душа двупола и наши тела содержат рудиментарные органы противоположного пола. Поэтому правильно и справедливо то, что каждое человеческое существо, независимо от своего временного обличья, должно обладать теми же правами, что и все другие. **142]**

Глава XVII **Непростительный грех**

Во время состязания большинство менестрелей воспевают возвышенные и утонченные идеалы любви души к душе, что вызывает у Тангейзера страстные возражения.

Он защищает чувственную любовь. В конце концов разгневанный такой, как ему кажется, пресной безвкусицей, он кричит: «Мне жаль вас, – вы любви еще не знали! Скорей, – все, все туда, в Венерин грот».

Это замечание выдает его тайну. Каждый понимает, что он совершил наихудшее преступление, непростительный грех, вступив в связь с эфирной сущностью. На него бросаются с мечом, и он погиб бы, если б не Елизавета, умоляющая дать ему шанс для покаяния. Вновь слышится вдалеке пение паломников, и менестрели соглашаются отпустить его искать прощения у Святого престола в Риме. **143]**

Когда Елизавета выдает свои чувства к Тангейзеру, вступившись за него, он наконец видит весь ужас своего проступка. Его охватывает глубокое раскаяние. Он с благодарностью соглашается со всеми и присоединяется к группе паломников, идущих в Рим. Будучи сильной душой, он ничего не делает наполовину. Его раскаяние столь же искренне, сколь вызывающим был грех. Все его существо жаждет очиститься, чтобы стать достойным той высшей и благородной любви, которую пробудила в его груди Елизавета.

Паломники поют хвалебные псалмы, но он не думает о далеком Риме, твердя: «Бог милосерден ко мне, грешнику». Они отдыхают по пути в монастырских приютах, а он спит в снегу. Они идут по ровной дороге, он же – по придорожным ухабам. И даже чудесные виды Италии не радуют его взор, он слеп к ним. Наконец они приходят в Вечный город.

Наступает утро, он видит святейшего папу, и надежда пробуждается в его сердце. Весь день он терпеливо стоит вместе с тысячами других, которые проходят перед ним, получив отпущение грехов и уходя с облегченным сердцем, радостные и готовые к новой жизни.

Наступает его черед. Он стоит в августейшем присутствии и терпеливо ждет решения святейшего папы,

ожидая доброй вести и слова ободрения. 144] Но решение оглушает его:

Ты страсть безбожную вкусил,
и ад твою сжигает грудь;
ты у Венеры в гроте жил, —
за то навеки проклят будь!
Как на жезле в руке моей
вновь зелень листьев не взойдет,
так и в огне твоих страстей
спасенья цвет не расцветет!

Этот бессердечный приговор убивает последнюю искру надежды в сердце Тангейзера. И похоть, дитя крови, поднимает свою голову. Любовь его обращается в ненависть, и, ослепленный гневом, он проклинает все сущее на земле и на небе и говорит, что, если уж нет для него истинной любви, он вернется в грот Венеры. Тангейзер отделяется от паломников и в одиночку возвращается в родные края.

Тем временем Елизавета, целомудренная дева, любовь к которой стубила Тангейзера, возносит за него молитвы. Она с надеждой ожидает возвращения паломников, и, когда они возвращаются без Тангейзера, ее охватывает отчаяние. Она умирает — наверное, чтобы самой предстать перед Отцом Небесным и просить за Тангейзера. Тангейзер встречает похоронную процессию и при виде ее сам умирает от невыразимого горя.

И вот другая процессия паломников возвращается из Рима. Они приносят весть о великом чуде: жезл папы расцвел, что означало прощение грешника на небе, после того как ему было отказано в милости на Земле. 145]

Хотя эта легенда облачена в средневековую и католическую фразеологию и мы можем отвергать идею о том, что один человек может иметь власть прощать грехи или проклинать навеки, она содержит духовные истины, становящиеся еще более актуальными с каждым годом. В ней говорится о непростительном грехе: его нельзя

простить, но можно искупить. Как нам известно, Иегова был наивысшим Посвященным периода Луны, правителем Ангелов, который в течение нынешнего Дня Проявления работает с человечеством через Луну. Он создает зарождение и руководит вынашиванием плода, дарует продолжение рода человеческого и животного, используя лунный луч в качестве проводника работы в периоды, благоприятные для размножения. Иегова – божество ревнивое, строго следящее за нарушением своих прав, и потому, когда человек поел плодов с дерева познания и взялся продолжать род по своему усмотрению, он изгнал его из рая странствовать по пустыне Физического мира. Никакого прощения не было. Человеку предстояло трудами и скорбями искупить вину, пожиная плоды своего проступка.

До Падения человечество не знало ни добра, ни зла. Люди делали то, что им говорили, и больше ничего. Взяв свою судьбу в собственные руки и ощутив скорбь и боль, последующие за этим проступком, они стали постигать разницу между добром и злом. У них появилась возможность выбора. Они обрели права. Эта великая привилегия с лихвой компенсирует страдания и скорбь, которые человек выносил, искупая свое преступление **146]** против Закона Жизни, предписывающего совершение зарождающего акта только при благоприятном расположении светил. Нарушение его привело к болезненным родам и множеству других болезней, которые известны современному человечеству.

В этой связи я могу упомянуть, что Луна – управитель знака Рака, а раковая болезнь в злокачественной форме не поддается лечению никакими средствами, предлагаемыми медициной на протяжении веков. Изучение нами жизней людей, страдавших этой болезнью, доказывало в каждом случае, что больной был крайне чувственным существом в предыдущих жизнях, хотя я и не готов возвести этот факт в ранг правила, поскольку количество изученных случаев было недостаточно. Тем не менее важно отметить, что

Иегова, Святой Дух, контролирует воспроизводящие функции через Луну, которая управляет Раком, и те, кто злоупотребляет сексуальной функцией, позднее подвергаются неизлечимой болезни, названной раком. Так исполняется начертанное в Библии: всякий грех подлежит прощению, кроме хулы против Духа Святого.

Существует мистическая связь между херувимом с огненным мечом у сада Эдема и херувимом с раскрывшимся цветком у дверей храма Соломона; между копьем и чашей Грааля; между расцветшим жезлом Аарона, расцветшим жезлом папы и смертью чистой девы, Елизаветы, заступничеством которой было сведено пятно с души заблуждающегося Тангейзера. 147] Только познавший страшную муку искушения сознает положение падшего. Сам Христос испытал в теле Иисуса все страсти и искушения, которым мы подвержены. Говорится, что через это Он должен был стать милостив к нам, будучи Первосвященником. Он искушался и доказал, что искушение – еще не грех. *Поддаться искушению – грех*, поэтому Он остался без греха. Тот, кто искушался и выстоял, без сомнения, высоко развит; но будем помнить, что никто из нынешних людей не доходил до Его стадии совершенства; всем нам еще предстоит долгий путь искушений, прегрешений и последующих страданий, пока мы наконец не пробудимся к осознанию того факта, что путь согрешившего горек и только на пути праведности мы обретаем внутренний покой. Прошедшие тернистым путем мужчины и женщины оказываются на гораздо более высоком уровне духовного развития, нежели чистые невинные овечки, отсидевшиеся в безопасном убежище. Именно это подчеркивал Христос, говоря, что одному раскаявшемуся на небесах радуются больше, чем девяноста девяти, не нуждающихся в раскаянии.

Есть важное различие между невинностью и добродетелью, которое отчетливо выявляется *при осознании пагубности двойных стандартов поведения*, когда мужчине предоставляют свободу и одновременно

настаивают, что один неверный шаг женщины **148]** ставит крест на ее жизни. Если я выберу себе сегодня жену и завтра узнаю, что в ее жизни была ошибка, которую она искупила страданием, я буду знать, что она познала скорбь и тем самым наработала сострадание и способность прощать. Эти качества сделают ее лучшим и более чувствительным партнером по сравнению с той, что «невинно» сидела за порогом жизни и теперь готова пасть при первом же искушении. **149]**

Глава XVIII Жезл, который расцвел

В Прологе к «Фаусту» Бог говорит о главном герое:

Он служит мне, и это налицо,
И выбьется из мрака мне в угоду.
Когда садовник садит деревцо,
Плод наперед известен садоводу.

Это действительный факт, относящийся ко всему человечеству. В настоящее время все мы служим Господу несовершенно по причине нашего ограниченного видения. Мы не обладаем истинным восприятием того, что нам желанно, не знаем, как правильно распорядиться талантами, которыми теперь наделены. Тем не менее Бог посредством процесса эволюции неуклонно ведет нас ко все большему свету, и постепенно мы преодолеем духовную бесплодность. Мы пройдем через период цветения, который принесет свои плоды, и тогда станем способны служить Богу как должно, а не вслепую.

Хотя вышесказанное применимо ко всем нам, оно особенно актуально для тех, кто выступает в роли наставников, ибо, воистину, где свет ярче, там тень глубже, **150]** и несовершенства тех, кто взял на себя ношу наставничества, заметны в большей степени.

В истории с Тангейзером папа захлопнул двери надежды перед кающимся, потому что этого требовала буква закона, но на милость Господню это не повлияло. Жезл папы расцвел, что указало на прощение грешника, искреннее раскаяние которого смыло запись, пятнавшую его атом-семя. Так высший закон вытесняет низший.

Легенда о расцветшем жезле папы схожа с историей о святом Граале и копье, а также историей с расцветшим жезлом Аарона и посохом Моисея, извлечшим воду жизни из скалы. Все они проливают свет на проблему духовной жизни ученика, стремящегося следовать путем высшей жизни и ищущего, подобно Кундри, возможности искупить неправедные деяния прошлых жизней нынешней жизнью служения высшему «Я». В легенде о Граале проводится различие между самим кубком Грааля и содержащейся в нем Искупительной Кровью.

Рассказывают, что Люцифер, борясь с архангелом Михаилом за тело Моисея, потерял лучший изумруд из своей короны, выбитый в пылу схватки. Этот несравненный по красоте камень назывался Эксилир. Он был заброшен в пропасть, но потом поднят Ангелами. Именно из него сделали кубок святого Грааля, который позже использовали для хранения Искупительной Крови, истекшей **151]** из бока Спасителя, пронзенного копьем центуриона. Отметим прежде всего тот факт, что это был изумруд, то есть камень зеленого цвета, а зеленый является комбинацией синего и желтого, будучи поэтому дополнительным цветом третьего основного цвета, красного. В Физическом мире красный обладает свойством возбуждать и энергетизировать, в то время как зеленый способен успокаивать и смягчать, но дело обстоит с точностью до наоборот, если смотреть с точки зрения мира Желаний. В нем дополнительный цвет активен и воздействует на наши желания и эмоции так, как мы это приписываем физическому цвету. Так, зеленый камень, потерянный Люцифером, обнаруживает свои истинные природу и действие. Этот камень – антитеза философского. Он обладает свойством возбуждать страсть

и сексуальность, противоположные чистой добродетельной любви, символизируемой белым камнем Апокалипсиса, любви души к душе. Поскольку этот эффект дополнительных цветов хорошо известен, хотя и не полностью осознается, мы говорим также о ревности, сопутствующей нечистой любви в образе зеленоглазого монстра.

Святой Грааль находит отражение в саменных чашечках зеленого растения. И в этих качествах дремлет творческий огонь. Аналогично тот же феномен проявляется в каждом, кто пускается на поиски святого Грааля. Воля есть мужское качество души, воображение – женское. Когда воля является более сильным атрибутом, душа носит мужское обличье. В другой жизни превалирует **152]** качество воображения и берется женский облик. Так по закону Изменения, доминирующему в нынешней эпохе радуги, душа попеременно носит разные одеяния, меняя пол, причем орган противоположного пола всегда присутствует в зачаточном виде. Поэтому нынешний человек, пока он обладает физическим телом, является одновременно и мужчиной, и женщиной.

В давнем прошлом, когда сознание фокусировалось в духовном мире, человек был совершенной творческой единицей с одинаково развитыми мужскими и женскими половыми органами, подобно многим цветам. Тогда он был способен самостоятельно создавать новое тело, когда старое изнашивалось, но в то же время не осознавал свое тело так, как сознает его сегодня. В те времена наиболее развитые люди, первопроходцы, рассказывали своим сородичам удивительную историю о том, что человек обладает телом. Им нередко приходилось сталкиваться с тем же скептическим отношением, какое сегодня часто наблюдается по отношению к утверждениям, что у нас есть душа.

Символическая история о Люцифере, потерявшем зеленый камень, – это история о том, как человек утратил

знание самого себя и начал познавать свою жену; о том, как был потерян Грааль, который может быть найден только через очищение от страстей, наполняющих физическую кровь, изначально содержащуюся в этом зеленом сосуде.

В соответствующее время года, не раньше и не позже, лучи, эманлирующие от небесных светил, пронизывают посеянное семя и активизируют его спящие порождающие силы. Тогда новое растение произрастает **153]** из земли, чтобы украсить Землю. Такой акт зарождения совершается в полной гармонии с законом Природы, и его результатом является великолепное одеяние Земли. Люди же не могут вернуться к этому с тех пор, как Люцифер возбудил в них женское качество воображения.

Сейчас зарождающий акт совершается независимо от соответствия космическим лучам, и потому грех и смерть наполняют мир. Духовный свет померк, и мы стали слепы к небесной славе.

В руках божественных Водителей человечества, один из которых символизируется Аароном, цветущий жезл был символом могущества. Позднее он высох и был положен в Ковчег. Но не следует заключать отсюда, что искупление невозможно. Человек был изгнан из своего небесного состояния, когда изумруд страсти и желания выкатился из короны Люцифера (который затем повел человечество *через зарождение к вырождению*). Но кроме него имеется белый философский камень, символ освобождения. Используя силу зарождения для возрождения, мы преодолеваем смерть и грех. Философский камень наделяет нас бессмертием и ведет к Христу.

Таково послание, заключенное в истории о Тангейзере. Страсть ядовита. Злоупотребление зарождением по наущению Люцифера стало средством сведения нас вниз во мрак вырождения. И та же сила, направленная иначе и используемая для целей возрождения, способна поднять нас из этого мрака до небесного **154]** состояния. Так мы победим в этой битве. Страсть закристаллизовала Дух в

тело, и только вновь обретенная чистота может сбить оковы, ибо *небеса – дом невинных*. Только подняв любовь от уровня сексуальных отношений до уровня души, мы можем сбросить кандалы, сковывающие нас. Когда зачатие станет непорочным, будут рождаться спасители, которые собьют эти кандалы греха и скорби.

Реализуя этот идеал, будем, однако, помнить, что подавление сексуального желания не является целибатом; должен доминировать ум, чтобы мы могли сознательно удерживаться от нечистоты. Это исполняется посредством того, что мистики называют «нахождением женщины внутри себя» (для женщины это означает, конечно, нахождение мужчины внутри себя). С таким обретением мы сможем жить чистой жизнью, подобно цветку.

И в этой связи очень полезно вспомнить, что Страж Порога, с которым предстоит встретиться каждому из нас перед входом в сверхфизические миры, всегда является в обличье существа противоположного пола. И все же это мы сами. Надо понять, что, чем мы безнравственнее и похотливее, тем страшнее будет этот монстр. Противостояние Парсифаля и Кундри, когда его отказ поддаться ее чарам обратил ее в мегеру, символизирует момент, когда кандидат сталкивается со Стражем перед тем, как ему вручается копьё духа. **155]**

157]

ЛОЭНГРИН

Глава XIX Рыцарь с лебедем

Из всех опер Вагнера ни одна, наверное, так не любима зрителями, как «Лоэнгрин». Возможно, это связано с тем, что эта история кажется на первый взгляд очень простой и в то же время удивительно красивой. Музыка «Лоэнгрина» необычайно выразительна, доходя до любого слушателя, чего нельзя сказать о других операх автора, основанных на мифах, к которым относятся «Парсифаль», «Кольцо Нибелунга» и «Тангейзер».

Хотя три последние оперы мощно воздействуют на публику своим духовным зарядом (сознает она это или нет), **158]** тем не менее факт остается фактом, что эти произведения не всегда нравятся большинству зрителей, особенно в Америке, где дух мистицизма не столь силен, как в Европе.

Не так с «Лоэнгрином». Это история о временах расцвета рыцарства, приукрашенная волшебным явлением Лоэнгрина и лебедя в ответ на мольбу Эльзы, что, впрочем, является лишь поэтическим приемом, не имеющим особо глубокого значения. В этой мифе раскрывается смысл одного из главных требований Посвящения – веры.

Не обладающий этой добродетелью не достигнет цели; наличие же ее компенсирует множество других недостатков.

Сюжет таков: исчез наследник герцога Брабантского, совсем еще ребенок. Эльзу, главную героиню, ее враги Ортруда и Тельрамунд обвиняют в том, что она избавилась от своего брата, чтобы захватить власть. Она предстает перед судом короля, чтобы защитить свою честь от обвинителей, но ни один рыцарь поначалу не вступает за нее против клеветников. Вдруг на реке появляется лебедь, который везет ладью и рыцаря в ней. Рыцарь выходит на берег и предлагает Эльзе защитить ее при условии, что она выйдет за него. Она с готовностью соглашается, ибо он не чужой ей. Она часто видела его в своих снах и полюбила его. В схватке **159]** с неизвестным рыцарем повержен Тельрамунд, но жизнь ему победитель великодушно сохраняет. Рыцарь провозглашает Эльзу своей невестой. Однако он ставит условие: она никогда не должна спрашивать, кто он и откуда прибыл. Поскольку он сияет красотой и благородством и явился в ответ на ее мольбу, она не спорит с ним. Пара удаляется в брачные чертоги.

Потерпев поражение, Ортруда и Тельрамунд не отказываются от своих планов известить Эльзу и хотят возмутить ее разум против ее благородного защитника, поспорить с ним и снова добиваться власти в герцогстве, всеми правами на которое владеют Эльза и ее брат. С этой целью злоумышленники являются к дверям Эльзы и притворно каются в своих деяниях, обещая блости в дальнейшем интересы Эльзы. Они уверяют ее, что все скорбят о том, что она отдана безымянному чужеземцу, который так боится открыть свое имя, что даже запретил ей спрашивать о нем, угрожая вечной разлукой.

В его жизни, уверяют они, должно быть что-то позорное, не терпящее света дня, иначе как он может скрывать свое имя и прошлое от той, с которой связал всю свою жизнь? **160]**

Этими охами и ахами они зарождают сомнение в душе Эльзы, и она идет к Лоэнгрину изменившаяся. Он замечает в ней перемену и спрашивает, в чем причина. Наконец она

признается, что не уверена в нем и хотела бы знать его имя. Тем самым она нарушила условие, по которому он вступился за нее. Он отвечает, что, раз она усомнилась в нем, он не может с ней оставаться. Ни слезы, ни протесты не могут поколебать его решение. Они идут на берег реки, где Лоэнгрин призывает своего верного лебедя и, когда тот появляется, объявляет: «Я Лоэнгрин, сын Парсифалья». Лебедь преображается и оказывается братом Эльзы. Он остается ее защитником вместо уплывшего Лоэнгрин.

Как уже говорилось, история о Лоэнгрине содержит один из важнейших уроков пути достижения. Никто не получает Посвящения, пока не усвоит этот урок. Чтобы правильно понять его, рассмотрим сначала, что символизирует лебедь, что за ним стоит и почему этот символ здесь используется. Те, кто видел оперу «Парсифаль» или внимательно читал литературу о Граале, уже знают, что лебеди есть на эмблеме, которую носили все рыцари Грааля.

В истории о Парсифале упоминаются два лебедя, готовящие целебную ванну для страдающего короля Амфортаса. Парсифаль убивает одного из них, **161]** и великая скорбь охватывает рыцарей Грааля при виде этой неоправданной жестокости.

Лебедь способен двигаться в нескольких стихиях. Он может быстро летать по воздуху, величественно плыть по воде и благодаря своей длинной шее исследовать дно неглубокого водоема. Поэтому лебедь – подходящий символ для Посвященного, который благодаря наработанной внутренней силе способен подниматься до высших сфер и действовать в различных мирах. Как лебедь летает в небе, так и человек может развить свойство душевного тела парить над горами и озерами; как лебедь погружается под воду, так и Посвященный уходит в глубины в своем теле души, не боящемся огня, земли, воздуха и воды. Фактически одна из первых вещей, которую должны усвоить невидимые помощники, состоит в

том, что они неуязвимы для физических опасностей, будучи облачены в золотое брачное одеяние, о котором мы так много говорили. В нем они могут входить в горящее здание и помогать тем, кто в опасности, иногда самым чудесным образом. Они могут оказаться на борту тонущего корабля, ободряя тех, кому предстоит великий переход.

Древняя скандинавская мифология повествует о доблестных воинах прошлого, о том, как они, побеждая или погибая, неизменно пели **162]** свою лебединую песню. Но не надо думать, что это обязательно была смертельная схватка на поле битвы с мечом в руке; чаще это была внутренняя борьба за внутренний смысл, которую вела благородная душа в жизненной битве. И когда воин достигал возможного в те дни состояния, или уровня, он пел свою лебединую песню: ею он давал клятву Посвящения и получал право войти в иные сферы, чтобы там помогать другим так же, как он помогал им здесь, ибо всегда священным долгом рыцаря было защищать слабых и обремененных.

Эльза – дочь короля. Таким образом, ее происхождение – самое возвышенное и благородное. Человеку не столь *высокородному* позволительно усомниться в искренности служения Лознгрина, но только не ей. Конечно, среди людей нет высоких или низких: все дело в положении на лестнице эволюции. Когда душа многие, многие жизни проводит в Школе Жизни, она постепенно обретает благородство, трудясь в направлениях, указываемых наставниками, Старшими Братьями, обучающими урокам жизни. Знатность, благородство, заслуженное милосердными деяниями по отношению к менее развитым существам, – это ключ к высокому положению. Поэтому, когда Эльза оказалась в беде, ей была послана благородная душа, чтобы учить и вести ее.

В Книге Откровения мы читаем о мистическом **163]** браке Невесты и Агнца. Этот брак осуществляется в опыте каждой души, всегда при схожих условиях. Одно из первых

требований состоит в том, что душа должна быть оставлена всеми: она должна пребывать одинокой, не имея ни единого друга в мире. Когда это условие выполнено, когда душа уже не ищет помощи на земле, а от всего сердца обращается к небу и молится о спасении, тогда приходит избавитель и предложение брака. Другими словами, истинный Наставник всегда приходит в ответ на искренние молитвы стремящегося, но не ранее, чем он оставит мир и мир оставит его. Наставник предлагает свою заботу и незамедлительно побеждает неправду мечом истины. Но, дав такое доказательство своей силы, он требует абсолютной веры без вопросов и обсуждений. *Помните* – и пусть это отпечатается в вашем уме огненными буквами, – что Наставник, приходящий в ответ на мольбу (не только словесную, но и жизненно устремленную), дает несомненное доказательство своей силы и способности учить, вести и помогать, а затем требует абсолютного доверия Себе. В противном случае он не сможет помогать стремящемуся.

В этом великий урок, данный Лоэнгрином и имеющий первостепенное значение, ибо тысячи и тысячи людей **164]** по всей Земле ищут сегодня Наставника. Некоторые заявляют, что нашли, некоторые говорят, что уже разуверились; но, так или иначе, требование, провозглашенное Лоэнгрином, остается актуальным по сей день. Наставник должен доказать свою способность, и он делает это. Он узнается «по плодам» и в ответ требует *верности*. Если нет веры, верности, готовности служить и выполнять то, что требуется, связь со стремящимся прерывается. Какими бы горячими и искренними ни были слезы раскаяния того, кто нарушил клятву верности Наставнику; в этой жизни новой благоприятной возможности уже не представится.

Поэтому очень важно, чтобы те, кто стремится к Посвящению, поняли, что наставник, истинный или мнимый, должен продемонстрировать свою силу, прежде чем он будет принят. Должны быть видны плоды его

работы, ибо Христос заповедал: «По плодам их узнаете их». Истинный Наставник подтверждает свой статус без всяких просьб, *имитаций* и знаков. Он всегда предоставляет свидетельство, которое является убедительным для ума стремящегося, дает несомненное доказательство превосходства его знания и способностей. После этого *абсолютно необходимо подтвердить свою верность Наставнику*. Это значит, что вне зависимости от мнений и давления остальных стремящийся должен твердо придерживаться своей клятвы, не обращая внимания на тех, кто (может быть, искренне) хочет **165]** опровергнуть его мнение об Учителе. Пока нет такой веры, нет возможности поддерживать канал связи.

Глубоко значим тот факт, что брат Эльзы оказался лебедем, который привез к ней Лоэнгрин и вернулся в свой изначальный облик, когда Лоэнгрин ее покинул. Так он прошел Посвящение. Он, без сомнения, знал о чаяниях сестры, как знает более продвинутая душа о борьбе и нуждах другой души. И хотя он знал и об ее трудностях, он не испытывал страха, ведь разве не он привел к ней избавителя, которого она могла бы вечно иметь рядом, будь она так же верна, как и ее брат?

УКАЗАТЕЛЬ

Нумерация страниц в Указателе соответствует английскому оригиналу и в книге обозначается цифрами на полях.

А

Аарона жезл

могущество религии 81

проводник силы 158

Альберих, символизирует первопроходцев человечества 76

Америка

недостаток духа мистицизма 158

электрическая атмосфера 130

Ангелы

ведомые Иеговой 36

негативное влияние 27

Ангелы-регистраторы, непогрешимость 82

Апокалипсис и гибель богов 119

Ариана

атмосферные условия 132

нынешний мир 77

Архетипы, копии, преходящие 46

Атлантида

люди-дети 75

плотная туманная атмосфера 74

Атлантическая эпоха, дикость 118

Атланты

внутреннее восприятие 75

детская природа 75

неиндивидуализированные Эго 75

символизируются Рейнскими девами 74

Атмосфера, прояснение, помогает самовосприятию 77

Б

Белый, или философский, камень 151
Бескорыстие, необходимость в 65
Бифрост, радужный мост 79
Бог
 вечное развитие 10
 жизнь Его насыщает каждый атом материи 15
Боги
 остаются до конца эпохи 80
 постоянное развитие 77
 хранители религии 80
Болезненность, сопутствующая росту души 138
Брачное одеяние
 состав 124
 эфирный проводник, необходимый для новой расы 124
Брунгильда
 дух истины 85
 любимая дочь Вотана 85
 сон 93

В

Валгалла
 Кольцо Веры 91
 ограничения 82
Валькирия, символизирует добродетель 85
Вальплац, поле битвы за истину 85
Ведьмы кухня, каждый должен пройти 37
Великаны Мороза
 природные силы 90
 существовали до появления Земли 90
Великаны, создатели ограничений 80
Вельзунги
 дети Вотана 85
 первопроходцы, потребовавшие свободы воли 84
Венера в «Тангейзере», эфирная сущность 130
Венера, ее гора 130
Вера
 в Наставника, необходимость 164

- в Христа, искупительная сила 42
- Вера, слепая
 - вызывает распад религии 81
 - задача 83
- Верданд, прерывает нить нашего будущего 89
- Вечная Женственность, творческая сила вселенной 46
- Внутренняя жизнь
 - полнота 51
 - эмоциональная и ментальная 52
- Вода жизни, духовный толчок 90
- Вода, ее божества 79
- Возрождение
 - как ему учила скандинавская мифология 109
 - чередование пола 129
- Война, навязанная Духами Люцифера 39
- Вольфрам
 - представитель духовной любви 137
 - человечество становится таким же 139
- Воля, мужское качество Духа 151
- Воображение
 - возбужденное Люцифером 153
 - женское качество Духа 153
- Восток, эфирная атмосфера 73
- Вотан
 - Бог мудрости 90
 - Бог эпохи воздуха 122
 - глава Иерархий 90
 - копье, могущество веры 91
 - признает только храбрецов, умирающих за истину 82
 - тевтонский и скандинавский аналог Меркурия 78
 - хранитель веры 99
- Второе зрение, превалировало в прошлом 111
- Второе пришествие 25
- Высшая природа, борьба с низшей 22
- Высшее знание, вслед за овладением знанием низшим 16
- Высший закон, вытесняет низший 150

Г

Гамурет, мирской человек 60
Гете, просветленный Посвященный 6
Гимле, Новая Земля 122
Гипнотическая сила, шлем иллюзии 117
Гипофиз, развитие силы души в 24
Гора Венеры 130
Грааль
 замок 32
 Искупительная Кровь, содержащаяся в 150
 обретается только победой над страстями 152
 поиск, вызывает духовную борьбу 22
Гране, конь различия 106
Грех, непростительный 146
Групповой Дух
 влияет на животных внутренними картинами 72
 работает через тела желаний животных 72
Гутруна, мирская честь 119

Д

Двойные стандарты, пагубность 147
Дерево жизни, см. Иггдразил.
Дерево познания 145
Диссонанс, контраст, ценность 132
Добродетель
 отличается от невинности 63
 развивается через страдание 13
Догма, польза 83
Достижение в яростной борьбе 22
Дух
 входит и выходит через одно и то же место 21
 двуполюе состояние 152
 изначально невинный 13
 кольцо, вызывает ограничение 77
 составная часть Бога 13
Дух Земли
 живая реальность, открываемая при Посвящении 19

контролирует Землю изнутри 25
освобождение 20
сила, заключенная в имени 18
Духи стихий 130
Духовенство, сыновья Сифа 43
Духовные царства, земные стихии в них отсутствуют 121
Духовный мир, лежит вокруг нас 15
Душа, свобода выбора 12
Душевный рост
медленный внутренний процесс 32
посредством добрых деяний 23

Е

Европа, мистическая атмосфера 130

Ж

Желаний мир
дополняющие цвета активизируются в 151
иллюзии 101
царство цвета 52
Желаний тело
его эмоции быстро рассеиваются 72
не такое крепкое, как жизненное тело 72
Железо, металл Марса 30
Женщина
место 129
равенство 128
Жертвы закон, выше, чем закон Самосохранения 98
Жизненное тело
видно во время смерти 72
память 72
повторение как ключевая нота 71
проводник Христа при Втором пришествии 25
способность к левитации 25
экстракты 31
Жизненный Дух

принцип Христа в человеке 71
экстракт, питающий интеллектуальную душу 71
Жизни дерево, см. Иггдразил.

З

Запад, его эфирная атмосфера способствует духовному восприятию 73

Зарождение, связь с солнечным лучом 152

Звездные влияния, распространение 146

Звук

его красота пробуждает духовные добродетели 157
функция 50

Звук, его могущество 18

Земля

активность в подземных слоях 19

грядущие перемены 124

девять слоев 19

прошлые связи с другими планетами 30

Земные жизни, тест на знание 116

Зиглинда, подавленная общественным мнением 87

Зигфрид

искатель истины 86

представляет высшее «Я» 96

Змея, символизирует возрождение 55

Знание

внутреннее 31

высшее, следует за овладением мирским знанием 16

ответственность, растет со 115

рост, связь с жизненным телом 31

И

Иггдразил

дерево жизни и бытия 88

живо любовью 88

Идеалы, впечатанные в высшие проводники 6

Иегова

- вел человечество изнутри вовне 25
- наивысший Посвященный периода Луны 145
- правитель Ангелов 36
- создавший зарождение 146
- Иерархии, Творческие, постоянная эволюция 90
- Иисус Христос
 - искушение 147
 - наш Первосвященник 147
- Иисус, его жизненное тело
 - проводник Христа в грядущем явлении 20
 - хранится в центре Земли 20
 - Христос вошел в Землю посредством 25
- Имя – это звук 18
- Инкубы, злые, способствующие одержимости сущности 130
- Иов, первопроходец расы 7, 9, 11
- Ирода замок и замок Грааля 32
- Искупительная Кровь Грааля 150
- Искусства, три 50
- Искушение
 - грех в том, чтобы поддаться 147
 - необходимость в 13, 62
 - постоянное 41
 - укрепление нравственности благодаря 12
- Истина
 - должна быть сведена до физического бытия 101
 - должна быть свободна от земных амбиций 98
 - достигаемая победой над ограничениями 92
 - идет до конца 101
 - мирской антагонизм по отношению к 102
 - не знает границ 80
 - невеста открывателя 106
 - сражается на стороне искателя истины
 - существует в слое Конкретной Мысли 101

К

Каин

- сыновья, потомки Духов Люцифера 35
- управляют государствами 43
- Клингзор 55
- Ключевая нота, ею обладает каждая звезда 8
- Ковчег, символизирует легкие 124
- Кольцо
 - символ бессмертия Духа 78
 - символ ограничения 77
 - символизирует Эго 78
- Компенсация, за поступки, совершенные в теле 37
- Копье
 - духовная сила, используемая бескорыстно 66
 - могущество религии 81
- Креста и Роз Братья, воспитывают уверенность в себе 23
- Кристаллизация, вызванная страстью 36
- Кровь
 - выстроенная Духом 31
 - железо в, генерируется Марсом 31
 - индивидуальная структура 31
 - обитель души 30
 - экстракт жизненного тела 31
- Кундри
 - низшая природа 66
 - Страж Парсифаля 154
 - тело 67

Л

- Лебединая песня, обет Посвящения 162
- Лебедь
 - символ Посвященного 161
 - эмблема рыцарей Грааля 160
- Легкие, символизируются Ковчегом 124
- Логе
 - дух обмана 79
 - связь с Сатурном 79
 - страж огня 88
- Лунный луч, проводник зарождения 145

Любовь, возвышение 129

Любопытство, опасность, 114

Люцифер

был привлечен состоянием ума Фауста 24

возбуждает воображение 153

Дух Марса 79

дух отрицания 79

его зеленый камень 152

наделяет человека честолюбием 76

Люцифера Духи

в конечном итоге порождают добро через страдание 39

возбуждают страсти в низшей природе 38

освободили человека от ангельского руководства 35

падшие Ангелы 36

питают эгоизм 27

предки сынов Каина 35

развиваются посредством интенсивных чувств,
возбужденных у человека 38

с Марса 31

М

Маргарита

опекаемая сыновьями Сифа 35

согрешившая душа 41

Материя, насыщена жизнью Бога 15

Медиумы, контроль злых существ 130

Менестрели

были Посвященными 139

влияние на общественное мнение 128

воспитатели Средневековья 128

Мидгард, змей, океан 88

Миме

колодец, хранилище знаний прошлого 90

низшая природа 97

символизирует плотное тело 99

Мировой храм, строят два типа людей 46

Мирские накопления, желание 98

Мифы

влияние на человеческую эволюцию 73

вуалировали духовные истины 72

данные великими наставниками 6

идеалы, внедряемые ими 6

семь толкований 59

Михаил, Архангел, борьба Люцифера с 150

Могущество, эзотерическое, должно использоваться
бескорыстно 97

Мудрость, обретаемая только через добродетели 37

Мужество, необходимо для развития души 138

Музыка

радует, разнообразится диссонансом 9

язык мира Мысли 52

Мысли мир, дом Эго 52

Мысль

притягательная сила 130

царство звука 52

Н

Наставник

верность ему 164

может лишь указать путь 23

приходит в ответ на мольбу 168

узнаваем по плодам 164

Наставники, духовные, поднимают человечество 6, 53

Небеса, гармония, меняется каждое мгновение 8, 9

Небо

достигнутые идеалы 46

Слой Конкретной Мысли 104

Непорочное зачатие 154

Непростительный грех 145

Нибелунги, дети Вотана 85

Нидхог, дух зависти 88

Низшая природа

влияние мифов 7

строит планы 97

Новая раса, боковая ветвь американского народа 124
Ной, впервые зажег огонь 120
Норны
 контролируются законом 89
 три Фатума 89
Нострадамус, упоминание 15
Нотунг, мужество отчаяния 87

О

Обезьяны
 дегенерация 36
 контролируются духами Люцифера 36
Огонь Арийской эпохи 120
Одеяние Эго, душа 52
Один, *см.* Вотан.
Океан, который суждено перейти 122
Опыт, посмертный, запись о 113
Орлог, судьба 90
Освобождение, свобода от возрождений 67
Отец, макрокосм 28
Отпущение грехов 150
Отречение от мира, неизбежное 60
Отца религия 20
Ошибки, их педагогическая ценность 13

П

Парацельс о несущих одержимость сущностях 130
Парсифаль
 копье 81
 символизирует Дух 26, 27, 67
Пассивность, укорачивает жизнь 29
Пентаграмма, символизм 24, 25
Первопроходцы, необходимость в 83
Перевоплощение, *см.* Возрождение.
Пифагор, упоминал звучание сфер 8
Планеты

- движение 74
- тесная связь Земли с 30
- Повторение, ключевая нота жизненного тела 71
- Пол
 - равенство 129
 - чередование 141
- Посвящение
 - инициированное Христом 61
 - открывает Духа Земли 19
 - открывает тайну строения Земли 20
 - слова могущества, даваемые при 18
- Посвященный, владыка различных стихий 161
- Праведность, всеобщая, в будущем 43
- Правильность, критерий, определяется эволюцией 118
- Природа, женская творческая сила 46
- Природные силы, см. Великаны Мороза.
- Притяжения закон 29
- Причина, совокупность задолженностей 89
- Прогресс
 - наказание по его законам 134
 - по необходимости медленный 16
- Прошлые жизни
 - гордость за 114
 - забвение 112
- Птица, символизирует оживление духа 59
- Пятница, день, посвященный Венере 79

Р

- Радуга
 - впервые увидена в Ариане 79
 - значение 120
 - остаётся до конца эпохи 80
- Радужный мост
 - Бифрост 79
 - отражение небесного огня 120
- Рак, болезнь, результат безнравственности в прошлом 146
- Ревность, возбуждаемая Эксилиром 151

- Рейнское золото, Кольцо из
догма и слепая вера 82
Универсальный Дух 76
- Религии
все они проникнуты духом любви 91
различные, формальные шаги в эволюции человека 80
- Религия
ее символы 81
освобождается от иллюзий 78
отношение к любви 84
отрицающая любовь 84
распад из-за слепой веры 81
совершенная, недоступная нынешнему человечеству 80
указывает путь к истине и жизни
уничтоженная политическими пристрастиями 81
- Рыцарство в Арийскую эпоху 119
- Рыцарство, обязанности 138
- Рыцарь, странствующий по пути достижения 138

С

- Светила, звезды
обладают индивидуальной ключевой нотой 8
разлад с, развивает индивидуальность 9
хоровод 9
- Световые волны, преобразованные в звук 8
- Секс, свойствен только плотному проводнику 152
- Сексуальная сила
трансмутированная в гипофизе 24
экстракт жизненного тела 31
- Семенные чашечки растений и святой Грааль 152
- Сетчатка глаза, может быть повреждена прямыми лучами
солнца 16
- Сифа сыновья
духовенство 35
негативность 40
- Скорбь, воспитательное значение 148
- Скульд, один из Фатумов 89

Слово могущества 18
Сокровище Нибелунга, материальные накопления 118
Соломон
 воплощение Иисуса 42
 сын Сифа 42
Сострадание, познанное на опыте, 34
Спасение, предназначенное для всех 83
Среда, день Меркурия 78
Страдание
 Бог помогает в 41
 очистительная сила 39
Страж Порога 154
Страсть
 возбужденная Духами Люцифера 35
 кристаллизующая сила 36
 приводит к болезни 35
 пробудила в человеке индивидуальность 35
Стремящийся
 дезертирство 163
 должен культивировать самодостаточность 23
 трансмутрует страсть в крови 32
Суккубы, злые, способствующие одержимости сущности
 130
Сферы, песня 66

Т

Тангейзер, человеческий Дух на одной из стадий развития
 129
Тарнкап, шлем иллюзии 117
Тело души, развитие 161
Тор, скандинавский Юпитер 79

У

Убийство, бесцельное 59
Уверенность в себе, необходима стремящемуся 23
Удача, следствие заслуг 37

Умерший, оплакивание причиняет ему боль 111
Универсальный Дух, золото Рейна 74
Урд, источник
 обновляет жизнь 89
 передает нить нашей прошлой жизни 89
Усилие, продвижение, достигаемое через 82
Ученик, стремится искупить зло, совершенное в прошлых
 жизнях 150

Ф

Фазольт, великан, создатель ограничений 80
Фауст
 история о, является мифом 6
 повествует о Мировом храме 46
 развитое человечество 11
 символизирует ищущую душу 24, 27
 сын Каина 42
Фафнер
 великан, создатель ограничений 80
 дух желания 98
Фенрис, атмосфера 121
Физический мир, царство формы 52
Философский камень
 символ искупления 153
 символизирует чистую любовь 151
Форма, ее функция 50
Франкмасонство 6
Фрейя, скандинавская Венера 79

Х

Хел
 правительница лентяев 88
 символизирует смерть 121
Херцлейде, скорбь 60
Хоровод движущихся светил 9
Храма строитель – человек 29

Христос

- вернется в жизненном теле 24
- каждый сын Сифа оставляет все ради 42
- помощь падшим 41
- эволюция принципов, работа западного мира 71
- см. также* Дух Земли.

Хундинг, дух соглашательства 91

Ц

Цвет, функция, 50

Церковные верования

- лишают человека индивидуальности 95
- неудовлетворительность 97

Цивилизация, следует путем Солнца 73

Ч

Человек в прошлом

- ведомый Ангелами 27
- гермафродит 152
- сознание 152

Чередование полов в Арийскую эпоху 152

Черная магия, символы 25

Черный маг

- вампиризует сексуальную силу других 32
- входит в тело и оставляет его через ноги 25

Э

Эволюция, непрекращающиеся усилия 82

Эго

- двуполое 141
- направление действия мыслью 52
- обернутое в кольцо проводников 80
- символизируемое Кольцом 98

Эгоизм, вытесняемый братством 36

Эгоизм, его защищающая сила 37

Эдем, сад 74

Эксилир

антитеза философского камня 151

Грааль сделан из 150

цвет, оказывает успокаивающее действие 151

Эмоция, интенсивная, необходимость в 38

Я

Яблоки, золотые, жизнедательная пища богов 79